

ВЕСТНИК

Альпклуба МГУ

Слово главного редактора

Друзья!

Через несколько дней многие из вас уедут в горы. Кто-то направится восходить на вершины в Азию, кто-то на Кавказ, а некоторые вообще улетают в Альпы кататься на

лыжах. В любом случае вы должны знать, что ваши одноклубники ждут вас после новогодних каникул живыми, здоровыми и полными впечатлений. Поэтому ешьте больше витаминов, не ходите без шапки и почаще отправляйте sms-ки друзьям. Счастливого Нового года!

А в этом номере вас ждут рассказы про летние сборы, традиционный осенний общеклубный поход-знакомство и еще кое-что... ;) Читайте и наслаждайтесь!

Редакция «Вестника Альпклуба МГУ»

Содержание выпуска

- Официальная информация, новости.....1
- Обзор итогов соревнований.....2
- Жетон «Спасение в горах». Интервью с Ф. Носеевичем.....4
- Осенний поход АК МГУ: дорога к костру и обратно. Рассказ О. Агафоновой.....9
- Как я провел лето. Рассказ М. Шульгина..... 11
- Ала-Арча 2011 или наши похождения на третий разряд. Рассказ О. Соколовой.....17
- Как альпинисты встречают Новый Год. Итоги опроса.....32
- Как же нам, альпинистам, без чувства юмора? .33
- Интересные и полезные ссылки.....33

С НОВЫМ ГОДОМ!

Официальная информация

Актив АК МГУ информирует, что с началом сезона 2011/12 начал действовать новый алгоритм начисления членских взносов. Новички теперь именуются не "кандидатами", а "временными членами клуба", которыми они становятся после 3х недель посещения тренировок. После этого они начинают платить членские взносы. После закрытия значка новичок становится постоянным членом клуба.

Размеры членских взносов:

- для членов клуба – 150р/мес.
- для временных членов клуба, которые являются студентами – 50р/мес.
- для временных членов клуба, которые не являются студентами – 150р/мес.

АК МГУ от всей души поздравляет Ваню и Наташу Люлюкиных с рождением третьего ребенка! Желаем счастья, здоровья вам и вашим девочкам! Оставайтесь дружной и крепкой семьей, и радуйте друг друга!

Обзор итогов соревнований

Редакция АК МГУ подготовила обзор итогов прошедших в последнее время соревнований, в которых АК МГУ принял самое активное участие.

Кубок клубов по ледолазанию

С 29 по 30 октября 2011 г. проходил традиционный Кубок Клубов по ледолазанию.

АК МГУ был представлен 13-ю участниками, в их числе были как известные спортсмены, так и новички. Несмотря на общие усилия и 1-е место Ивана Люлюкина в личном зачете, в тройку призёров войти не удалось. По общему командному зачету АК МГУ занял 6-ое место.

Осенний ММБ – 2011

С 29 по 30 октября 2011 г. проводился традиционный Московский Марш Бросок.

На этот раз организаторами была подготовлена очень интересная дистанция в лесах Истринского и Рузского районов Московской области. В общей сложности участники, прошедшие всю дистанцию целиком, преодолели порядка 105км. В этом году также было решено сделать общий одновременный старт в 0:00 субботы 29 октября, что, несомненно, было весьма эффектным зрелищем. Достаточно почитать восторженные отзывы участников мероприятия, чтобы понять, что общий старт никого не оставил равнодушным. Вообще ММБ с каждым годом приобретает все большую популярность и все большее число поклонников, готовых брать штурмом болота и лесные завалы в поисках заветных КП.

Имеются таковые и в нашем клубе. В общей сложности от АК МГУ в

ММБ 2011 осень участвовало порядка 20-ти человек. Героем вполне ожидаемо стал Мазин Евгений, он вошел в тройку лидеров, поделив 2-3 место с Пановым Дмитрием.

На фото: Мазин Е. Фото с сайта www.livejournal.com (сообщество «mmb»).

Кросс памяти ВОСР

4 ноября 2011г. Альпклубом МАИ проводился традиционный кросс Памяти Великой Октябрьской социалистической революции - 30 км в парке Покровское-Стрешнево.

АК МГУ на этих соревнованиях был представлен следующими участниками:

Бурундуков Дмитрий – 26 место.

Архиповский Илья – 36 место.

Каныгин Михаил – 46 место.

На фото: Каныгин М.

Фото с сайта www.fun-run.ru.

Соревнования «Памяти Друзей» в кл.им.Ю.Визбора

13 ноября 2011 года в клубе им. Ю.Визбора проходили традиционные соревнования по скалолазанию (боулдеринг) среди альпинистов. Из 10 участвовавших спортсменов от нашего клуба лучший результат среди мужчин у Алексея Чашкина - 2 место, среди женщин – у Александры Харламовой - 3 место.

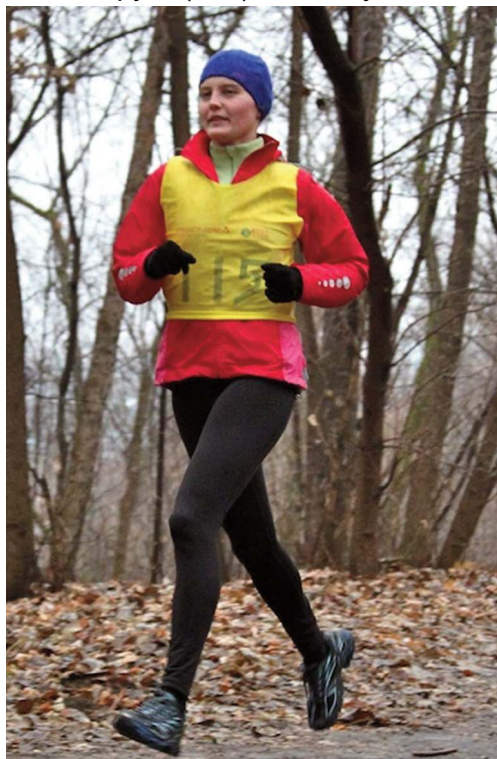
Выборгский микст

19-20 ноября 2011 г. на скальном массиве «Сторожевой» проводились общероссийские соревнования по микстовому лазанию «ВЫБОРГСКИЙ МИКСТ 2011» Светлана Вандышева заняла в этих соревнованиях 4 место.

2-ой кросс памяти Саши Укладовой

26 ноября 2011г. на Воробьевых горах Альпклуб МГУ проводил 2-ой кросс памяти Александры Укладовой.

Кросс проходил по Карповскому кругу, дистанция: 1 круг (4км) – для женщин, 2 круга (8км) – для мужчин.

Все больше и больше участников приходит на наши соревнования – в этом году, несмотря на неблагоприятные погодные условия, стартовало 40 мужчин и 9 женщин.

Результаты мужчины:

1 Гусев Александр	лично
2 Юхнович Станислав	лично
3 Жегусов Ярослав	АК МГУ

Результаты женщины:

1 Якимова Елена	АК МГУ
2 Магадова Марина	АК МГУ
3 Мухтарова Александра	лично

На фото: Якимова Е.
Фото с сайта www.fun-run.ru.

Кубок Москвы по совершенным восхождениям 2011г.

В Кубке Москвы по совершенным восхождениям 2011 г. команда АК МГУ заняла **3-е место** (15,2 б.) в командном зачете.

- Состав команды:
- Шульгин Максим (КМС) – 4,5 балла.
 - Иванов Александр (МС) – 4 балла.
 - Лопухина Ольга (КМС) – 2,5 балла.
 - Михайлова Мария (2сп.р.) – 2,5 балла.
 - Носеевич Федор (1сп.р.) – 1,7 балла.

В личном зачете среди женщин Михайлова Мария и Лопухина Ольга заняли 1-2 место.

Чемпионат Москвы по альпинизму 2011г.

На Чемпионате Москвы по альпинизму-2011 команда АК МГУ заняла **1 место** за прохождение маршрута на п. Блока по 3 и С3 стене, ор.б.А кат. сл., 2-е прохождение (м-т Максимиени А., 2008) под руководством Иванова А.С. (МС) в двойке с Шульгиным М.А. (1сп.р.). Тренер Иванов А.С.

Чемпионат России по альпинизму 2011г.

На чемпионате России по альпинизму-2011 команде АК МГУ, рук. Иванов А.С. в двойке с Шульгиным М.А. за восхождение на п. Искандер, м-т Жильцова, 6А кат. сл., присуждено **5-е место**.

Редакция АК МГУ от всей души поздравляет спортсменов и желает дальнейших спортивных успехов!

(Обзор подготовлен Остапенко Ю.)

Жетон «Спасение в горах». Интервью с Ф. Носеевичем

Этой осенью наш одноклубник Федор Носеевич (1 разряд) стал участником VIII сбора на Жетон «Спасение в горах», традиционно проводящегося в Цее.

Федя прошел трехнедельный курс обучения, состоящий из лекционного и практического модуля, успешно сдал аттестационный экзамен и получил официальный статус жетониста и общественного спасателя МЧС.

Пользуясь случаем, редакция Вестника АК МГУ в лице корреспондента Ольги Соколовой решила задать Феде несколько вопросов и узнать, как это было, так сказать, из первых уст.

Федя, что представляет из себя этот Жетон и зачем он вообще нужен?

Лет пять назад Федерация альпинизма России решила ужесточить правила, мотивировав это необходимостью повышать безопасность восхождений, и сделала наличие Жетона обязательным для первого выхода на маршрут категории 6А. Подобный Жетон существовал в СССР: люди ездили на специальные сборы, получали Жетон «Спасательный отряд». Но с распадом СССР вся эта система рухнула. И вот пять лет назад ее решили восстановить. При этом, если к моменту введения Жетона человек уже имел опыт восхождений на 6А или имел Жетон «Спасательный отряд», полученный еще при Союзе, то новый Жетон ему получать было не обязательно. А для категории людей, которая ни в СССР жетон не получила, ни шестерок в своем активе не имела, Жетон стал обязательным для официального выхода на маршруты шестой категории сложности.

Я думаю, что статус официальности Жетону придали для того, чтобы альпинисты стали ездить на эту программу. Ведь если бы данная программа была бы необязательной, она не пользовалась бы особой популярностью. Потому что, во-первых, на это нужно время – три недели. А

во-вторых, Россия – страна большая, люди занимаются альпинизмом от Калининграда до Камчатки, а приехать из Камчатки в Цей – очень накладно.

Фактически МЧС хочет сделать общественный спасотряд из числа альпинистов, при этом требует, чтобы человек не просто овладел практическими навыками, но и получил официальный статус спасателя. Не был бы он обязателен для шестерки – люди бы интересовались им в гораздо меньших количествах.

Если брать формальный внешний вид Жетона, то это номерной знак из тяжелого металла, к которому прилагается удостоверение.

Кто допускается до участия в сборах? Какие требования предъявляются к участникам?

В сборах участвуют не только альпинисты. Если бы Жетон был ориентирован только на них, то на сегодняшний момент альпинисты не обеспечили бы полный набор групп. Да, вначале был ажиотаж. Размер групп доходил до сорока человек. Но сейчас страсти значительно поутихли. Поэтому на сборы стали допускаться, помимо альпинистов, также горные туристы, профессиональные аттестованные спасатели, работающие в системе МЧС, профессиональные военные, работающие в силовых структурах.

Формальные требования: к альпинистам – возраст от 20 лет и 1 разряд по альпинизму; к туристам – возраст от 20 лет и статус КМС по горному туризму; к спасателям и военным – возраст от 20 лет и 2 разряд по альпинизму.

Федя, расскажи, пожалуйста, про процедуру регистрации на сборы. Существуют ли она? За какое время нужно подать заявку на сборы?

В настоящее время сборы проводятся два раза в год – весной и осенью. На сайте Федерации заблаговременно вывешивается объявление. Нужно послать заявку, получить подтверждение и оплатить участие по указанным реквизитам.

У весеннего и осеннего Жетона, кстати, есть своя специфика.

На весеннем Жетоне снег не успеваешь растаять, и провести лавинные занятия можно в ближайшем лавинном корпусе в часе ходьбы от базы.

Осень гораздо интереснее, потому что снега еще почти нигде нет, и чтобы провести аналогичные занятия нужно идти до Николаевской хижины, а это примерно пять часов. Поэтому осенью люди выходят на эту хижину на несколько дней – получается полноценный подход.

А тебе известно, почему сборы на Жетон традиционно проводятся именно в Цее?

Да. Этот район выбрали потому, что там находится учебно-тренировочный центр МЧС, и сборы проходят на базе этого центра. Там обеспечены комфортные условия: есть жилая часть, учебный класс. Да и местным инструкторам удобно и близко добираться.

Как проходит обучение? Из каких этапов состоит?

Обучение на Жетон разбивают на два модуля. Первая часть – теоретическая. Служит для того, чтобы человек получил квалификацию спасателя МЧС. Проходит в течение пяти дней и по ее итогам сдается квалификационный экзамен во Владикавказе в центре МЧС. Вторая часть – непосредственные практические занятия на разных видах горного рельефа.

Бывает по-разному: иногда первым идет теоретический модуль, потом практический, иногда наоборот. Люди, которые уже являются профессиональными спасателями, приезжают только на практический модуль.

В программу входит также сдача контрольных нормативов, проходящая между теоретической и практической частями.

Нужны ли людям, которые собираются на шестерки, а, значит, имеют опыт прохождения пятерок, дополнительные скальные занятия?

На практических занятиях акцент сделан не на отработку техники лазания – она особо никого не интересует. Акцент сделан на организацию поисково-спасательных работ. Человек может легко проходить пятерочные маршруты где-нибудь в Крыму, но при этом совершенно не знает, что

именно делать, если произойдет несчастный случай. Поэтому на этом этапе отбатывается вовсе не лазание, а тактика и техника спасательных работ.

Около половины дня посвящается отработке спасения пострадавшего подручными средствами. Это то, чему обучают новичков, третьеразрядников, второразрядников. А именно, спуск на веревке при помощи ледорубов, транспортировка с помощью носилок из веревок и карематов. Это имитация простых спасработ, когда пострадавшего не нужно спускать по сложному рельефу, а достаточно лишь нести его или волоочь по снегу.

Три дня проходят занятия на скальном рельефе. Начинается работа как с аквией, так и без нее. Отбатывается подъем и спуск с сопровождением. Нам показывали технику спуска/подъема подручными средствами (карабинами и прусиками) без применения новомодных блок-роликов. Это, конечно, энергозатратно, но мы, по крайней мере, поняли, что это возможно.

Ставились различные ситуационные задачи: двое вытягивают двоих, двое вытягивают одного, один вытягивает двоих. Интересным моментом была переправа акви через ущелье, при котором обнаружилось много технических мелочей, способных затруднить переправу. По результатам этого цикла занятий мы сдавали довольно простой зачет – спасение в двойке.

Дальше в течение нескольких дней была снежная часть занятий, когда мы пошли на Николаевскую хижину. Нам прочитали вводную теоретическую лекцию по лавинной безопасности, а дальше мы вышли на снег для отработки техники определения степени лавиноопасности и поисковых работ.

Конечно же, всем на этом этапе запоминается закапывание друг друга в снег. Естественно, закапывают на небольшую глубину и оставляют пространство для воздуха. Но все равно это было очень неприятно и даже страшно. Ведь даже сорокасантиметровый слой снега не дает тебе возможности ни рукой, ни ногой пошевелить. И когда ты орешь сквозь этот снег, тебя могут услышать только в том случае, если к тебе специально прислушиваются. Иначе вообще ничего не слышно. При этом тот, кто лежит под снегом, отлично слышит голоса тех, кто находится на поверхности, но сделать ничего не может.

Нас учили, как испытывать снег и склоны на предмет их лавинной опасности, учили работать с биперами, организовывать станции на снегу.

Занятия по лавинной безопасности – зондирование

Например, мы делали станцию на трех закопанных вертикально в снег лавинных лопатах.

А что представляет из себя сдача нормативов?

Это ОФП, включающее в себя кросс 2,5-3 км в высокогорной зоне, отжимания (на отлично 40 раз), приседания на каждой ноге (на отлично 20 раз), подтягивания (на отлично 12 раз), пресс (на отлично 40 раз).

Кроме того, скалолазание с нижней страховкой в альпинистских ботинках по трассе уровня максимум 5с по скалолазным категориям. Оценивается время прохождения трассы.

Также был тест на подъем с грузом по перилам. В качестве груза был

рюкзак, набитый бутылками с водой, весом приблизительно 15 кг. Использовать можно было любую технику: подъем с двумя жумарами, с жумаром и кролем. Главным параметром оценки было время и техника без нарушения основных правил. За день до сдачи этого норматива мы даже успели поспорить о том, как лучше транспортировать рюкзак – на спине или подвесить снизу на систему. К единому мнению так и не пришли.

А был ли какой-то финальный зачет по результатам всего комплекса практических занятий?

Да, у нас были соревнования отделений. Имитировались спасательные работы. Нам давали легенду происшествия, и мы должны были ей следовать. Мы со снаряжением должны были стартовать из лагеря и добраться до места, на котором обычно занимались, закрепить перила, подняться всей группой и поднять акью, переправить ее через ущелье, далее спуститься все вместе и перебраться в другое место, где с помощью бипера найти под снегом человека, затем сделать самодельные носилки из подручных средств и донести эти носилки до лагеря. Это все, надо сказать, было физически довольно тяжело, потому что делалось на скорость.

Переправа акьи через ущелье

Да уж... Ну и как результаты?

Наше отделение заняло первое место, чему мы, честно говоря, очень удивились. В некотором роде нашу победу обеспечил случай. Например, перед этапом прокладки перил мы тянули жребий, кто полезет первым. В нашем отделении был человек, который плохо лазал. Если бы он вытянул жребий, то наши шансы были бы невелики. При переправе акьи нам очень мешали деревья, в кронах которых путались веревки. На этом мы потеряли много времени и поэтому были почти уверены, что кто-нибудь нас обгонит. Но нет, не обогнали.

Вы молодцы! Поздравляю.

Спасибо. Но у нас все отделения были примерно одинакового уровня. Все пришли с разницей приблизительно в десять минут. Очень ровно у всех было.

Это был кульминационное испытание или вас ждали еще экзамены?

На следующий день был еще экзамен теоретический. Но не аналогичный тому, что был во Владикавказе, когда мы сдавали теорию на получения статуса спасателя. Этот последний экзамен предполагал сдачу горной теории. Но так как мы заняли первое место, то нас от этого экзамена освободили.

Но зато нам, как и всем, пришлось защищать реферат. В начале сборов всем давали ситуационные задачи, и мы должны были в представленных условиях описать в письменном виде наши действия, как если бы каждый из нас являлся начальником спасательного отряда. Этот реферат мы защищали перед комиссией.

Ух, сколько экзаменов. Ну а как насчет праздничной части в конце?

Да, она была, конечно. Нам торжественно вручили наши документы, а потом вечером был банкет, на котором мы свои Жетоны обмыли.

Есть какая-то устоявшаяся традиция, как их обмывают?

Мы налили по рюмке водки и на дно положили Жетон. Каждый из нас должен был встать, выпить водку, вытащить зубами Жетон и представиться по поводу его получения. Потом мы, естественно, пели много песен под гитару и общались в непринужденной атмосфере.

Что тебе показалось наиболее тяжелым на этих сборах?

Такого, чтобы было очень тяжело физически, не было. Но тяжело было морально, потому что в конце немного надоедал весь однообразный процесс. Ведь, по сути, каждый день нас ждало одно и то же – подъем, занятия, обед, занятия, отбой...

А что больше всего понравилось?

Самое классное было то, что мы успели очень сильно подружиться со всеми, с кем участвовали в этих сборах. Я приобрел кучу знакомых. При этом люди приехали из разных концов России, были очень интересными и разными по возрасту, опыту, положению, занимаемому в обществе. И, как это обычно бывает в альпинизме, никто не обращал внимания на чины. Мы общались и обменивались опытом очень открыто.

А еще мне понравились соревнования, потому что соревновательный дух заставляет волноваться за результат. Это как в спорте. Плюс это ощущение единомышленников, собранных в одной команде, настоящая искренность в поведении и действиях. Испытать такое в Москве мне удастся очень редко.

Несколько раз на фотографиях с предыдущих сборов на Жетон мне приходилось видеть рекламные растяжки Венто и Red Fox. Какое отношение эти небезызвестные фирмы имеют к сборам?

Компания Red Fox предоставляет некоторые вещи в начале сборов (в этом году дали только флиски) и гранты в конце по их результатам согласно авторитетному решению тренерского совета.

А компания Венто – снарягу (блок ролики, веревки, жумары, карабины,

петли).

Как на твой взгляд, стипендии выдаются объективно и заслуженно?

Одна стипендия в этом году уехала на Камчатку – на мой взгляд, абсолютно объективно. Вторая – в Ставрополь. Здесь бы поспорил.

В самом начале нашей беседы ты сказал, что эти сборы довольно длительные по времени. Тебе было тяжело найти время для них?

У меня получилось так, что я уволился с одной работы и специально не стал искать другую, чтобы попасть на Жетон. Но если человек работает и не может брать несколько длительных отпусков в год, то получается, что ему надо выбирать, то ли он едет в горы, то ли он едет на Жетон. То есть из недостатков сборов на Жетон можно назвать их продолжительность. Они слегка затянуты. Например, всю теорию, которая нужна для получения статуса спасателя, можно выучить дома. Или, как альтернатива, ее можно было подать участникам более сжато. Сейчас организаторы планируют сделать теоретическую часть вообще дистанционной, тогда двух недель станет достаточно. Три недели – это действительно слишком долго.

Федя, путь на шестерки тебе теперь открыт. Когда собираешься?

Посмотрим. Обстоятельства в жизни разные бывают, пока не загадываю. Но я хочу!

Можешь ли ты дать какие-то советы тем, кто задумывается о получении Жетона?

Совет можно дать только практический. Из нашего клуба я третий обладатель Жетона (в прошлом году его получили Максим Шульгин и Евгений Мазин – прим. автора), поэтому, если кто-то соберется, то пусть напрямую обращается с интересующими вопросами к любому из нас. Нам будет, что рассказать. В первую очередь по снаряжению, которое действительно там пригодится, чтобы не везти лишнего. Можем рассказать по некоторые теоретические или технические моменты, если человек за-

хочет подготовиться заранее.

И, кстати, туда с собой надо обязательно взять ноутбук и модемный интернет. Потому что писать реферат от руки – занятие невеселое. А с ноутбуком выходишь на крылечко с видом на горы и наслаждаешься жизнью.

Федя, спасибо за интервью! Новых вершин тебе!

Участники сборов. Ф. Носеевич седьмой слева во втором ряду

Оксана Агафонова

Осенний поход АК МГУ: дорога к костру и обратно

Каждый раз, делая что-то, я стараюсь задать себе вопрос: а зачем? С этого вопроса я решила начать и свой рассказ о нашем осеннем походе. Так уж получилось, что у меня до сего дня был весьма ограниченный опыт непосредственно ориентирования, поэтому отвечать мне придется не столько со спортивной, сколько с личной точки зрения.

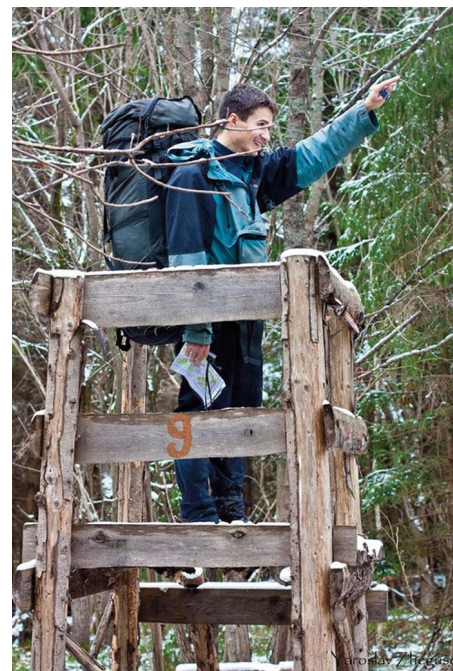
Зачем вообще люди ходят в поход? Отчасти - чтобы сменить обстановку, выйти из серых будней в другой, яркий мир. Но не только, ведь для этого можно поехать куда-нибудь в солнечный Египет и даже погружаться там с аквалангом, если скучно лежать на пляже. Ногами ощутить неповторимое ощущение дороги, что сродни Пути, который пишут с большой буквы? Измениться, стать иным, хоть на время... И это тоже, но и здесь полно иных методов. Есть еще кое-что, и это, пожалуй, очень верно выразил Ваня Феофанов в электричке где-то на полпути: ничто так не спланирует, как преодоление совместных трудностей. Так вот, за ними-то мы и отправились.

Для нашей группы (а всего их оказалось три, так как смогли все выдвинуться в разное время) все началось рано утром в субботу, 12 ноября. Большинство наших ребят вбежало в вагон в последний момент, заставив пережить приехавших заранее меня и Арсения несколько минут как минимум недоумения. И поезд тронулся к еще долго не наступавшему рассвету куда-то в Можайск, где я никогда раньше не была. Кто-то спал, кто-то обсуждал дела насущные или просто говорил «за жизнь», Саша Быков, возглавивший наш небольшой отряд, показал всем желающим карту и рассказал о ее обозначениях и нашем примерном маршруте.

Приехав, мы быстро сгруппировались и загрузились в отходящий через 20 минут автобус до точки начала пешего маршрута, перепугав при этом аборигенов, живущих, кажется, какой-то еще тридцатилетней давности, как наша карта, жизнью. И дальше - первая в многочисленном ряду полуза-

брошенных деревень с разваливающейся церковью, а за ней – перемененно сменяющие друг друга слегка припорошенные первым снегом осенние поля, кочки, леса и тропинки в них - кажется бесконечные: километр за километром, перемежаемые только десятиминутными привалами каждый час. И странное ощущение, словно наш отряд выпал из этого мира, и никого кроме него больше не существует, только усилившееся, когда мы пересекли границу Калужской области, и выяснилось, что мобильной связи большинство из нас лишилось. Людей мы с тех пор, как покинули первый населенный пункт, не видели, только иногда, в охотничьем хозяйстве – следы их пребывания: охотничьи вышки и кормушки для приманивания животных – кабанов в основном. Видели и следы самих кабанов, и очень

много, что вызвало оживленную дискуссию о том, как их лучше ловить и что с ними потом делать. И, должна признаться, Саша на первой из встреченных на пути вышек с картой в руках выглядел как молодой Наполеон где-нибудь на Аустерлице.

Приключения начались ближе к вечеру, когда стало было казаться, что до места предполагаемой встречи и стоянки осталось недалеко. Переходя по скользкому и вовсе не надежному бревну речку с показательным названием Лужа, Настя, всю дорогу героически несшая нам гитару, соскользнула вниз, в неглубокую, но холодную воду. Испугаться никто не успел, а у нашей спутницы был с собой запасной комплект одежды, по поводу которого наши хорошие ребята не преминули пошу-

тить, что она, наверное, предчувствовала свою судьбу. Я тоже, кстати, успела провалиться, но с гораздо менее фатальными последствиями:

надломилась ветка плотины, и я погрузилась в речку ногами. Мне повезло больше, но и запасливостью Настиной я не отличилась.

Тем временем, начало темнеть, и мы, находясь уже совсем недалеко от намеченной точки, стали блуждать по очередному кольцу пустынных деревьев без света в окнах, будто бы и не поменявшихся особо с позапрошлого века. И опять – движение, дорога, мерой которой уже давно стал каждый новый шаг, похожий на предыдущий, но приближающий к цели. Должно быть, одно это ощущение стоило того, чтобы пойти.

Потом из темноты вынырнула еще одна река, уже не чета предыдущей, с которой началось все самое интересное: шириной метров пять, и без переправ в обозримой близости. Впрочем, эта проблема вскоре разрешилась – кто-то из наших заметил упавшее поперек дерево метрах в 50ти от места, где мы к ней подошли. Неширокое, разветвленное. И не внушающее доверия, когда у тебя за спиной довольно увесистый рюкзак, серьезно смещающий центр тяжести. Отступить, однако, было некуда (мы так считали), поэтому все-таки перелезли. И спасибо ребятам, перетащившим рюкзаки девушек. А на следующий день мы узнали от Маши, что чуть дальше за деревней был мост. Но в этот раз обошлось без ЧП.

Побродив на том берегу, встали лагерем, развели костер – круг тепла и света, к которому потом из темноты приходили другие – и стали ждать: наша группа оказалась первой. Постепенно подтянулись две другие команды. По кругу пошла кружка сваренного Женей глинтвейна. Еще позже, ночью, когда последними в круг вступили те, кто вышел раньше всех нас

– еще в пятницу – заиграла наконец и гитара, завершая начатую трансформацию. Тот, кто играет ночью у походного костра после пройденного пути, воистину подобен шаману, магу и волхву, сонастраивающему ритмы людей, уже успевших пережить что-то вместе. И, что уже не в первый раз пришло мне в голову, для восприятия этого вовсе не нужно что-то обсуждать и доказывать. Достаточно просто быть тем, что есть. А это случается так редко...

А на следующий день после завтрака большая наша часть отправилась преодолевать еще 20 км пути, чтобы потом отправиться домой, меньшая же, к которой принадлежала и я – в близлежащую деревню Передел, чтобы сделать это сразу. И через несколько часов мы вернулись в ту жизнь, которую ненадолго покинули.

Вот так. Это был не самый длинный поход, он занял 2 – 2,5 дня, и пошло около 20 человек. По GPS-навигатору Макса Шульгина вышел трек 87,5 км, у других команд – меньше, и намного, наверное. Но, так или иначе, оно того стоило.

В общем, спасибо тем, кто ходил со мной, и тем, с кем ходила я. Думаю, то, что я искала в этот раз, я нашла. Надеюсь, как и остальные.

(Фотографии Ярослава Жегусова).

Максим Шульгин

Как я провел лето

... Опять оно. Смотрю на часы – полпятого утра. Второй раз за ночь просыпаюсь от боли в животе. Тошнота и слабость. Сборы закончены, утром ждёт упаковка вещей и с караваном ишаков вниз, в Озгюрюш. Кажется, до утра не пройдет. Торопливо натягиваю штаны и бреду в арчовые заросли. Господи, ну зачем было так объедаться? Как же я пойду? Особенно эти местные сливки. Как вообще можно это есть? Даже само слово – каймак – жирное, клейкое – вызывает тошноту, и, как

назло, его никак не получается выкинуть из головы. Опять и опять видится кусок сероватой лепёшки, с которого стекает вязкая белая масса и это смачное, сытное слово – каймак. Фу-у. А ведь, помнится, на самом-то деле это было вкусно – почему же теперь так трудно в это поверить? Вкусно, особенно после Искандера, где скудного ужина ждёшь, как заслуженной награды, где даже во сне мне виделся плов. А я-то думал, что могу без последствий скушать практически любую гадость. Европейская зараза меня не берёт: ни апельсины с гнильцой, ни швейцарский сыр с запахом несвежих носков. А вот оно как вышло. Видимо, типичный финал для новичка в Аксу.

Спасибо ещё, что нелепая хворь сразила меня только теперь, когда всё закончилось, горы схожены, осталось только увязать рюкзак и как-нибудь доковылять вниз. Теперь – наплевать. Как-нибудь всё равно дойду, даже если придётся погрузиться на ишака поперёк хребта. А ведь могло и раньше прохватить. Конечно, пока ты наверху, риск заболеть минимален. Всё, что ты ешь, стерильно или почти стерильно. Сублиматы, дошираки и сникерсы – и так месяц. Но всякий спуск в базовый лагерь – это и фрукты,

и местные лепёшки, и сомнительный курут, про который рассказывают (хоть и врут наверняка), что местные женщины в кошах лепят его у себя в подмышках. И тот же густой, сладковатый каймак. Фрукты – абрикосы, которые поднимает к лагерю с караваном этот человек, который организует доставку групп наверх. Как его имя? Султан? Чингиз? А, нет – Нурдин. Да, Нурдин – киргизский старец, не лишенный некоторого благородства, по крайней мере, внешнего.

Абрикосы, которые Нурдин доставлял наверх, к моменту, когда мы спустились в лагерь, успевали изрядно полежать на азиатском солнце и размякнуть. И уж конечно, вернувшись с горы, я их не мыл – ел так, горстями, выплёвывая только косточки. Абрикосы Нурдин привозил из Озгюрюша – мелкие, неровные, кожица в бурых пятнах – на московском рынке такие не пошли бы. Но какие они были сладкие!

Озгюрюш – оазис в ущелье, над выжженной пустыней. Через пустыню дорога ведёт из Озгюрюша в Ош, к аэропорту. Сюда летели с приключениями. Кого-то не пустили на рейс, у меня перед отъездом случилась захватывающая прелюдия из разряда дурных предзнаменований для ожидающих.

Ошский аэропорт более всего напоминает автостанцию в подмосковном райцентре средней руки: приземистое здание советской постройки, простенькая отделка, неопрятные залы, полные неопрятных людей. В городе еще свежа память о прошлогодних погромах. Базар, о котором рассказывали легенды, не блещет изобилием, кое-где видны следы пожаров. Киргизы не любят узбеков, узбеки – киргизов. Единственная, ещё советская, асфальтовая дорога в сторону Аксу идёт через узбекские анклав, а значит ехать по ней нельзя. В объезд проложены грунтовки по высушенной серой пустыне из тончайшей пыли и мелкого щебня. Редкие кусты сухой черной травы. Дорога петляет, ехать – весь день. В нагретом солнцем автобусе висит пелена удушливой пыли, трудно дышать. Рюкзаки, сиденья, лица постепенно покрываются серым налётом. А потом, уже в темноте, вас привозят в Озгюрюш. Здесь свежо, прохладно по-горному. Воздух кажется ватным: звуки в нём пропадают без эха, и, несмотря на их обилие, кажется, что очень тихо.

Вокруг тополя и фруктовые деревья. Дорога из посёлка к нам, наверх, начинается от главной улицы и петляет по абрикосовому саду. Отсюда родом и были нурдиновы пятнистые абрикосы. Оазис, как всем известно, там, где вода. Здесь вода течет сверху, с ледника. Справа и слева от дороги, а значит выше и ниже по склону - по несколько арыков, отводящих воду из реки, текущей по дну ущелья. Где-то далеко выше по течению они соединяются с основным руслом, забирают из него воду и несут в посёлок. Вековая система ирригации. Испортится арык, засорится, промоет себе новое русло – кратчайшим путём вниз по склону – не будет воды, и не станет абрикосов. Вот в Озгурюше и слышно, как журчит вода в каналах, орошающих огороды из арыка. Где-то неподалёку кричит осёл.

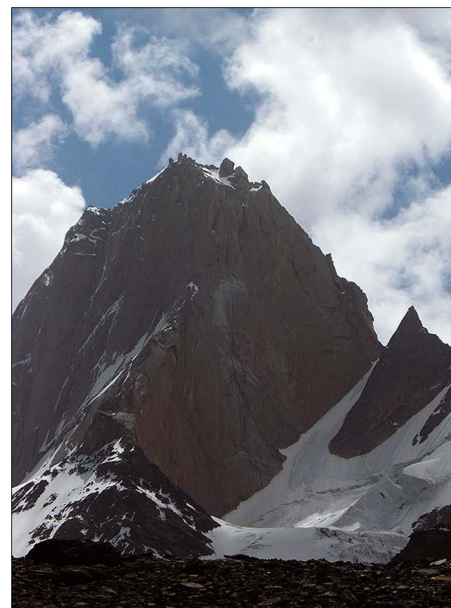
Ослы – довольно милые и обаятельные по-своему существа. Они отнюдь не тупые, как принято считать. Упрямые – да. Тихие, спокойные и упрямые. Мало кто их уважает, но и они – молча, не бунтуя, гнут свою линию как могут, до последнего. Тихие они большую часть времени, но когда осёл кричит, он делает это самозабвенно и страшно. Слово вся его затаённая обида на свою ишачью долю рвётся наружу. Начинает он с особенного, судорожного выдоха, словно подавился чем-то или решил вывернуть наизнанку и выплюнуть свои лёгкие. Вслед за этим следует такой же судорожный вдох, снова выдох – и так в течение целой минуты. Всё это сопровождается такими звуками, как если бы кто-то довольно часто и сильно двигал взад-вперёд створку больших и изрядно проржавевших стальных ворот.

В огороде на грядах глинистой почвы растёт картошка. Улицы из такого же суглинка, высохшего и утрамбованного. Там, где на дорогу попадает вода из арыка, появляется лужа с липкой коричневой грязью. Из комьев такой же грязи, смешанной с травой и высушенной на солнце, вдоль всей улицы, по обе её стороны сложены заборы, высотой чуть ниже моего роста. Хозяйственные постройки на дворах тоже из этой сыромятной массы. Небо очень тёмное и по обе стороны от посёлка чёрными массами - стены ущелья. В углу двора переминаются с ноги на ногу лошади...

Там мы снова будем завтра, к вечеру. К обеду снизу придёт Нурдин с караваном ослов и погонщиками. До этого времени нужно упаковать рюкзаки

и подготовить к погрузке. Собираться, правда, совсем не хочется. Не хочется, разумеется, есть, пить, двигаться – только полежать в тени, чтобы никто не трогал. Будто снова навалилась горняшка, как в первые дни.

Вверх за караваном идти легко – так всегда, когда только приехал. Можешь забежать на высоту, ничего не будет. Зато потом, если не спустишься, может накрыть. С дороги довольно скоро начинает быть видно настоящие горы. Действительно настоящие. Первое, о чём думаешь: на Кавказе таких нет. Вначале почти прямо по курсу появляется монументальный скальный зуб, возвышающийся над предгорьями, которые заслоняют хребет по сторонам от него, словно вершина обрывается стенами до самого низа, одиноко стоя посреди невысоких холмов. Кажется, это Сабах. Не намётанному ещё глазу он кажется похожим на пик Блока – тот такой же, одинокий, высоко выступающий над линией хребта. Блока хорошо видно отсюда, прямо от палатки, правда, полноценный вид на него закрывает невыразительная

Пик А. Блока (5239 м.)

груда камней – вершина Домашняя, наша "тренировочная" гора. Про такие вершины те, кто был в Безенги, говорят нередко – "куча Брна". Правее Домашней и Блока, в перспективе ущелья, отлично видна северная стена Аксу, полтора километра отвесного гранита. За ночь лунный свет, гуляя по ущелью, выхватывает из темноты то стену Аксу, то бастионы Малого Искандера, то какие-то скальные отроги в глубине ущелья. Над Домашней, ничем не затеняемая, вершинная башня Блока. Днём будет хорошая погода. Нам бы такую, когда мы а него лезли...

... Домашняя. Уже изрядно за полдень, но если дальше без неожиданностей, должны ещё успеть спуститься. Маршрут длинный, но мы почти уже на-

верху - вот выполаживание, выход на гребень. Лазание несложное, кажется, ещё верёвка – и дальше совсем пешком. Лидирует Стёпа, его не видно за перегибом. Перил нет, видимо, наверху негде их закрепить – верхняя страховка. Всё бы ничего, только на выполаживании полно живых камней. Пока ничто их не сдвинет – всё хорошо, но стоит сделать неосторожный шаг, и всё, что упадёт, со всей неизбежностью полетит в горловину расщелины, на станцию подо мной, где стоит Аня. Крадусь. Метров 20 до монолитных скал – и вроде всё, отлегло. Скалы простые, лезу. Раз перехват, два, три и – зацепка подаётся на меня, и вместе с ней из стены выдвигается каменный блок, сантиметров 50 x 40. Пытаюсь затолкать его обратно, на место, но он слишком тяжел, а у меня слишком неудобная опора.

..Не помню, на чём стою, ору "камень", вижу, как он падает на выполаживание, разбивается и засыпает осколками нижнюю станцию. Ничего не думаю в этот момент, точнее, все мои мысли укладываются в короткий цензурный слог. Это уже теперь, постфактум я могу расшифровать все смыслы, которые были в нём заключены. Главный – это отчаяние, остальное – насколько серьёзно попало по Ане? Когда ждать помощи, если сами мы лезли сюда не меньше 12-и часов? Всё, сошло, прогромыхало вниз, смотрю во все глаза, что-нибудь ору, наверное. Живая. В сознании. Слава богу! На лице ссадина, видна даже отсюда. Ну и ужас, конечно. На каске – здоровенная вмятина. Чёрт.

И всё-таки обошлось. Добрались на гребень, до Стёпы. Помощь не понадобилась. Ночуем холодную. Есть еда и немного воды. Землетрясение, которое было в ту ночь, я проспал. Благо, высота всего 3800, а Памиро-Алай заметно южнее Кавказа.

Возвращаюсь в палатку. Там, на стене Аксу всё ещё висят полулегендарные братья Нефёдовы. Завтра им ещё предстоит закончить спуск и вернуться в лагерь до прихода Нурдина. Эти люди лазят какие-то забубённые восьмерки, и уже без малого две недели висят на этой стене, питаюсь, между прочим, овощными консервами. Это ещё полбеда, что одна банка кукурузы весит не меньше 400 г., но ведь они вообще не едят мяса. Словом, я бы так не смог.

За месяц, проведённый здесь, я успел хорошо выучить тропу под Аксу. До определённого момента под Аксу и пик Блока тропа общая, потом развилка – налево Блок, Аксу – прямо. Базовый лагерь на полянке, среди валунов и арчовых рощиц, над ним вверх по тропе два последних, самых верхних коша. В них летом, в хибарах, кое-как слепленных из корявых стволов и грязи, живут с семьями пастухи. Выше лесная зона кончается и там, прямо на тропе, растут эдельвейсы. Ага, они самые. Раньше я никогда их не видел живыми. Правда, здесь это невзрачная низкорослая травка - то ли место плохое, то ли не сезон, но и так они вполне узнаваемы. А звучит-то

как! Готов признать, что согласен любить эти цветы за одно их название. Я хотел бы выкопать один – вдруг получится культивировать его там, в Москве, только, боюсь, наутро мне до них уже не подняться. Жаль. Иметь дома живой эдельвейс – разве не здорово?

Я ходил по этой тропе целых десять раз – пять раз вверх и пять вниз. Сначала, на второй день по приезду – акклиматизационная прогулка. Потом, после Домашней, мы втроём со Стёпой и Аней собирались на Блока по 5Б Петриченко. Не сложилось – утром в день выхода на гору у меня сломалась кошка. Когда я спустился в базовый лагерь, в нём все ещё спали – и вдруг снизу появился прилетевший позже нас Саша Иванов. Наконец, позавчера я, шатаюсь, прошел по этой тропе крайний раз – минуя Аксу, из-под Искандера. *À la guerre comme à la guerre.* Я шел вниз после семидневного восхождения, имея за спиной баул со снаряжением и сломанной пряжкой на пояском ремне. Шел впотьмах, вброд через речку, терял тропу, снова находил, падал, матерился, снова шел. Вот это – хорошо, что уже позади.

А тогда, по приезде Иванова, мы прошли по этой тропе вверх, под Блока, уже нацелившись на маршрут Максимени. 6а - это абстракция, когда не с чем сравнить. До того, как я побывал на Блоке, мне случалось ходить 5б на Кавказе. Самым тяжелым мероприятием в своей жизни на тот момент я считал наше с Шумбасовым прошлогоднее восхождение на Чегем. Шутка ли - три дня на горе, вдвоём, непогода на спуске! Меня, конечно, предупреждали, что азиатские категории не вполне соответствуют кавказским, но.. Одним словом, разница между достаточно сложной и напряженной 5б на Чегем и 6а на Блок никак не похожа на полкатегории. Не считая обработки, на стене мы провели семь дней, причём стена была круче и сложнее. Сначала была обработка. На неё мы ходили вдвоём с Ивановым. Подъём в семь, два часа вверх по леднику, в течение дня упражнения на стене, вечером вниз до ночёвки. Утром все заново. Потом ещё раз. Погода стояла отличная, что, в общем-то, не предвещало ничего хорошего, но само по себе было приятно. Размеренная работа на солнечных скалах, красота. Ну а потом – отрыв.

Первый день на стене тоже был погожим. К вечеру мы были на абсолютно плоской очень комфортной и редко можно живописной полочке, где идеально поместилась палатка и бивачный мешок рядом с ней. Палатка номинально двухместная, но можно переночевать и втроём, а в мешке в ту ночь поместился я. Предполагалось, что в нём будут спать мужчины –

по очереди. Но на следующий день хорошая погода закончилась, и больше до спуска на ледник его никто не занимал. Признаться, прежде мне не приходилось ночевать в бивачных мешках, особенно выше 4-х тысяч метров. Поначалу меня беспокоили капли, нет-нет да попадавшие мне прямо по физиономии, но потом я спокойно уснул. Было тепло и хорошо, снился сон, большей частью платонический, но и не без некоторых милых эротических сюжетов.

Вторую ночёвку мы вырубали по очереди тяпкой во льду, шел мокрый снег. Если бы прежде мне сказали, что в двухместной палатке можно переночевать вчетвером и выспаться, я бы не поверил. Особенно если речь идёт о ночёвке в горах в непогоду. Однако в последующие 5 ночей нам это

удавалось, невзирая также на сырые спальники и прочие обстоятельства. Не могу не отметить, что пример Иванова вообще сильно раздвинул мои представления о границах возможного. Это не преувеличение, а чистая правда.

Всё-таки бог с ней, с этой нелепой хворью. Всё это такие мелочи! Да, слабость, да, чёртов живот. Но я лежу в сухом пуховом спальнике - и это чудесно.

Сны были ещё. В ночь перед спуском с Искандера мне снился плов. Это была шестая ночёвка на горе. Почти каждый день, ближе к вечеру, встречаясь на станции, мы говорили с Ивановым примерно об одном и том же. "Сегодня мы хорошо продвинулись, – говорил Иванов, – можем на ужин съесть пакет доширака дополнительно". Я радостно соглашался. В ту ночь мне снилось, что где-то мои друзья собрались вместе и приготовили казан плова. Я был приглашен. Но была одна сложность: мы с Сашей договори-

лись, что встанем в 5 утра, чтобы с рассветом начать джюльферять. Неужели ходить в гости в такую рань. Я чуть было не разбудил Иванова с предложением выйти попозже, ну хоть в восемь что ли. А я за это время смотаюсь к друзьям, поем плова – и сразу назад.

Впрочем, на Искандере с едой у нас всё было нормально. Много не было, но и тяжких лишений мы не испытывали. На Блоке еда закончилась раньше, чем восхождение. Точнее, не закончилась совсем – просто её небольшой остаток оказался растянут на несколько последних дней подъёма и на спуск. Поэтому последний наш завтрак на Блоке состоял (на четверых) из двух пакетиков сублиматов (по 45 г каждый) и половинке сникерсовой конфеты, какие в упаковку "сникерс супер" укладывают по две. Похлёбка была, прямо скажем, жидковата.

Зато по вечерам на Блоке кулинарная тема оказалась очень популярна. Мы делились друг с другом подробными описаниями рецептов, и никто не останавливал меня, например, когда я рассказывал, как можно приготовить куриное мясо с бананами и корицей.

Тем больше поставила меня в тупик Лена, когда вечером по связи из базового лагеря сообщила мне, что к ним, прослышав о том, что среди альпинистов есть врач, явилась местная женщина, у которой что-то течёт из дырочки в пупке. "Что бы это могло быть? - спросила она. - И чем её лечить?" Боже мой, как далека была от меня в ту минуту эта киргизская женщина с её недугом! Пусть, кто захочет, попрекнёт меня клятвой Гиппократ. Сейчас я, пожалуй, смогу сочинить несколько версий того, что же могло из неё течь. Но это сейчас.

Паломничество местных пастухов на врачебный приём меня, впрочем, не миновало. Я не самый лучший в мире врач, но тешу себя мыслью, что разговаривать с пациентами умею. Это действительно важно. Что ж, слушать пришлось много. Я узнал ещё не одну историю про силикоз, гипертонию, экзему, астму, геморрой и бог знает что ещё. Женщина с дырочкой в пупке, правда, больше не появлялась (спасибо ей за это).

И чем же меня вознаградили благодарные пациенты? Правильно. Меш-

ком курута, пакетом лепёшек и банкой каймака. Она-то меня и добила.

Это всё уже после спуска, в базовом лагере. А что же горы? Они не баловали погодой. Холодно и снежно было на Блоке, почти так же - на Искандере.

Для чего это всё надо? Авторитеты создали только набор мнений, из которых самое простое и точное – ответ Мэллори на вопрос, почему он снова и снова пытается взойти на Эверест: "Потому что он есть". Ближе всего мне, наверное, мнение Визбора: "Вдоль стены хлещет снежная крупа. Интересно, зачем я это делаю? К чему мне все это? С какой стати я очутился в этом внутреннем углу холодной северо-западной стены? Кто видит мои страдания? Я сам? Да, да, я сам. Да, это я сам, сознательно придумал себе испытание, сознательно пошел на него. ... Бревно улыбается, сматывает веревку. «Не слабое место», – говорит он. Я киваю. Да, не слабое. Вдруг

Александр Иванов под основанием стены вершинной башни. Фото автора

над нашими головами где-то далеко вверху появляется быстро летящий кусок голубого неба. Он исчезает, но тут же из-за открывающегося гребня с наметенными на нем снежными карнизами появляется новая голубизна. Задрав головы, мы смотрим на эти чудеса. Тепло от только что сделанной

работы наполняет меня. Я чувствую невесть откуда взявшуюся радость. Интересно, что бы я делал, если бы в моей жизни не было гор? Что бы я мог узнать про себя?"

Естественно, редко происходящее на горе воспринимается как страдание. Но очень похоже я чувствовал себя, страхуя Иванова над последней нашей ночёвкой. Холодно, я вишу на станции в пуховке, и всё-таки мёрзну. Временами стену переметает пургой, потом снег прекращается, и всё, что налипло на стену, потихоньку тает и течёт по ней вниз. Облака чуть приподнимаются, вершин не видно, но стены Аксу и Искандеров, и наша, на которой висим, припорошены белым. Внизу, как по Визбору, "ноздреватый лёд ледника", тоже в свежей пороше. А где-то позади меня, в холмах, неразличимый отсюда – базовый лагерь. Там дождь, капает на разложенные на тенте абрикосы... Прямо под нами, на леднике, рядом с маленькой палаткой – крошечные человечки. Это отделение Игоря Савельева. Непогода согнала их с маршрута Петриченко. Сейчас они заберут свою маленькую палаточку и уйдут вниз. Машу им свободной рукой, но они, конечно, не видят. Каждый день мы смотрели на эту палатку и чем-то это нас согревало. Меня, по крайней мере. Иванов, надо полагать, вообще чужд таких сентиментов.

Но на самом деле я не умею думать так, как Визбор, я для этого слишком прост. Мне просто нравится, вот и всё. Так же, как нравится запах духов "Ультрафиолет", как хурма, сказка Туве Янссон "Муми-тролль и комета", вишнёвое варенье и значительно сильнее, чем закусывать коньяк ломтиками зелёного яблока (хотя это тоже очень вкусно).

Всякий раз, когда я пересекаю ручей на тропе, мне приходит в голову некая сказочная фабула, точнее её зачаток, никак не вырастающий до законченного сюжета. Крупные валуны в русле заглажены водой, вокруг них множество мелких камней цветом от белого до тёмно-красного. Что-то вроде "жил был один человек, каждый день ходил с берега на берег, и как-то раз нашел среди камней драгоценный камень". Бурление в животе вызывает странные мысли. То ли я хожу через ручей, то ли сам лежу на дне, среди камней, где попадаются самоцветы - чаще, чем в общей популяции.

Горы ценны еще теми людьми, которые меня окружают. Мне бы очень хотелось, чтобы они твёрдо знали, что я ими дорожу, потому что говорить им об этом я не умею, получается набор патетических банальностей. Даже если мы разругаемся в хлам, я потом пожалею.

Между тем, я уже не первый заболевший, и, видимо, не последний. За день до меня хворь поразила Ингу, теперь, кажется, заболевают Стёпа младший и Марк. Кто-то следующий? "Врач, исцелился сам" – это издевательство. Чувствую себя беспомощным.

Вместе донизу доволочимся, хоть даже придётся погрузить друг друга на ослов поперёк хребта. Там, внизу, у Нурдина, совершенно невыносимый в таком состоянии, и совершенно неизбежный плов. Неизбежный - потому что никто не в силах будет отказаться. Темнота, огни селения, тихий разговор, чай. Потом утомительный путь через душную пустыню, Ош, арбузы и мороженное, новые жертвы азиатской заразы, снова арбузы, левомецетин, смекта, самолёт, горы внизу, пустой ковёр облаков, Домодедово. Это всё случится само собой. А вот потом главное: Москва, где нужно будет снова собраться и пойти вперёд. Силы появятся. А пока, наконец – спать.

В Оше в вечер перед отлётом в Москву.
Фото Андрея Нефёдова

Ольга Соколова

Ала-Арча 2011 или наши похождения на третий разряд

О спортивном не для спортсменов

Написание некоего подобия отчета о сборах я запланировала для себя еще перед отъездом. И, по правде говоря, даже хотела вести дневник. Но в итоге дневник оказался таким десятым делом, что вспоминала я про него только тогда, когда натыкалась в рюкзаке на взятые почти на бегу при выходе из дома листки бумаги, которые в итоге пригодились, но совсем не для того, для чего планировались. Да и вообще планировать мероприятие, в котором тебе предстоит участвовать первый раз в жизни, это как по темному коридору с закрытыми глазами расхаживать – мало ли выйдешь в нужном направлении. Но время «завязывать глаза» и окунаться в то, что я никогда не делала, неумолимо наступало на пятки. В «темном лабиринте» неизвестности мной двигала фраза, которую я вычитала когда-то давно, когда в планах никакого альпинизма и в помине не было. А именно: «Чтобы получить то, что никогда не имел, надо делать то, что никогда не делал». Ею и подбадривалась. А оно было необходимо - как никак, а предстоящие сборы были весьма волнительным мероприятием. Мне предстояло поехать в большие горы первый раз!

Отъезд и первые дни не дома

Волновалась я все последние недели перед отлетом в Киргизию. Помимо той самой неизвестности, причиной для волнения являлся мой статус завхоза, в коем мне предстояло провести все время в Ала-Арче. Это я позже узнала, что «завхоз» на высокогорном языке автоматически означает «повар». Но что было взять с человека, не владевшего высокогорным? Ничего! Вот и пребывала я в наивном незнании, довольствуясь бесконечной переделкой сводной таблицы, подсчетами, поездками по магазинам/рынкам, коробками и пакетами с продуктами, ставшими на пару недель частью интерьера моей комнаты. Когда я видела коробки, мне казалось, что еды много. Но когда я встречалась с членами нашего отделения, четверо из которых были мужского пола, мне казалось, что их

невозможно прокормить. Старалась внушить себе обратное.

Когда пришел час X, то мне вдруг сделалось как-то хорошо, а за спиной почти что выросли крылья! Всю дорогу до аэропорта вплоть, наверное, до взлета самолета я была очень воодушевлена! Летели мы всего четыре часа, но поскольку рейс был ночной, то в пути мы находились всю ночь. Поэтому под утро в самолете и уже после посадки меня сильно клонило в сон. Но нас ждал еще целый день в пути сначала из Алматы в Бишкек, а затем в Ала-Арчу, а потому расслабляться было рано. Весь путь прошел мимо меня. Бессонная ночь давала о себе знать – я спала, если то опухшее состояние можно было назвать сном. Отчетливо помню только казахско-киргизскую границу, так как пришлось выйти из автобуса. После границы до Бишкека было уже недалеко. А дальше нам предстояла поездка на рынок, чтобы закупить не купленные в Москве продукты. Справились мы с покупками, надо сказать, довольно быстро. Чтобы как-то себя порадовать, купили виноград, помыли его прямо в пакете, залив водой из бутылки, и аппетитно съели. Давно я не ела такого вкусного и сладкого! Еще более вкусным он становился от той мизерной цены, которую мы за него заплатили. Результатом наших рыночных стараний стала заваленная

едой маршрутка, на которую я взирала с изрядной долей печали в глазах.

Приезд в сам альплагерь был довольно скромный. Народ знающий, включая наших парней, сразу куда-то разбежался, а мы с девчонками из нашего отделения еще какое-то время стояли, недоуменно хлопая глазами, и не понимали, что делать. Оказалось, надо было идти занимать

Альплагерь в Ала-Арче днем. Фото К. Сердюченко

Путь на стоянки Рацека. Фото Д. Агафонцева

места под палатки. И мы понесли личные вещи на полянку, на которой предполагалось их установить. Я долго не могла понять, где и как можно поесть. Кто-то по соседству уже стал разжигать огонь, что-то варить. А для меня слово "горелка" тогда было вообще чужеродным. Да и еда наша находилась уже в инструкторской комнате, поэтому организовать полевую кухню мне представлялось просто

верхом насилия над собой. Но поесть можно было в кафе при гостинице, чем мы и воспользовались. Ели мы в нем всегда, когда оказывались в Ала-Арче на 2200 м., и это изрядно меня радовало. Палатки успешно были разбиты уже в темноте, отбой дан, подъем назначен на семь утра. И мы радостно захрапели. Помнится, я действительно спала.

Заброски и первые ночи на 3300 м.

Утром нас ждал первый акклиматизационный поход на стоянки Рацека - место нашего будущего жития-бытия. Я, конечно, пыталась представить, как оно будет, но все же до конца не смогла и недооценила. Было оно тяжело.

Первый привал. Фото К. Сердюченко.

Пережидаем дождь. Фото А Чиркова.

В зеленой зоне, пока еще на пути встречались деревья, было тепло. А потом как-то с погодой не повезло, и стало резко холодать, подул ветер. А вскоре и дождь пошел. Благо, у нас с собой был огромный кусок тента для нашей будущей хозяйственной палатки. Им и накрылись. Стояли так вот всемером под этим брезентовым тентом, согнувшись в три погибели, около минут двадцати. Мимо проходил народ, подшучивал. Зато нам было сухо.

В пути. Фото Д. Бурундукова

Чем больше становилась высота, тем хуже становилось всем нам. Лично я свои ноги еле дотащила. Шли мы около шести часов. У меня ничего тяжелого с собой не было, но идти все равно было безумно тяжело. Не понятно, что болело больше - ноги, голова или вообще душа. Под конец я от недостатка кислорода в прямом

смысле стала засыпать на ходу. Чтобы хоть как-то придти в себя, я просто повисала на палках и какое-то время стояла с закрытыми глазами. "О, Боже, вот оно!" - крик Михаила Константиновича взбудрил нас в конце. Мы увидели хижину Рацека. А значит, нам оставалось идти считанные минуты.

Все было бы хорошо, если бы не шел дождь. Мы были неорганизованными и делали все невпопад, а потому дождь был совсем некстати. Лично я пошла в хижину резать колбасу с сыром на перекус. Парни после нагоня от Михаила Константиновича стали собирать хозяйственную палатку. После ее сооружения мы покушали, еще немного посидели и потопали вниз. Первый акклиматизационный выход был позади.

На следующий день мы узнали об изменении первоначальных планов. Если сначала планировалось совершать три выхода-заброски подряд туда-сюда по одной в сутки, то после вчерашнего выхода старший тренер решил, что грядущей ночью всем надо заночевать на Рацека и провести днем скальные занятия. Михаил Константинович предупредил нас, что это будет, как минимум, неприятно. Но нам ничего не оставалось.

Груз в этот раз взяли потяжелее. Вверх топалось немножко легче, хотя и не быстрее. Именно в этот выход меня уже почти у самого Рацека разгрузили - забрали веревку. Не такой уж большой вес, но это было счастье местного масштаба. Палатки мы затащили не все. Часть нашего отделения пошла спать в хижину на нарах.

Скальные занятия. Фото К. Сердюченко.

Ночью были гроза и дождь. Я спала плохо, полночи вертелась. У меня дико стучало сердце. Я ночевала в палатке Михаила Константиновича, а потому слышала, как он тоже не спал – долго кашлял. Как оказалось утром, этой ночью нормально не спал никто. Это был эффект первой ночи на 3300 м. Это было прогнозируемо.

Днем у нас были скальные занятия. Сил у нашего отделения, надо сказать, было не очень много. Мы прошли буквально 3-4 веревки и засели на камнях,

Тише, инструктор отдыхает! Фото К. Сердюченко.

Спуск. Фото А. Чиркова.

ничего не делая. Второе дружественное нам отделение новичков под руководством Кузнецова А.Г. прошло гораздо выше. Мне вроде наверх и хотелось, даже силы плюс-минус были - пару веревок я бы еще выдержала. Но посидеть на теплых камнях хотелось не меньше. Этим вечером мы спустились назад в Арчу. С понижением высоты самочувствие в этот раз лучше не становилось. Не то, что в первый спуск, когда даже бежалось быстрее с каждым метром. Схема "чем ниже, тем лучше себя чувствуешь" в этот раз не сработала. Третья заброска на следующий день оказалась самой тяжелой для наших парней. Они тащили почти всю еду на, как изначально предполагалось, четыре-пять дней. Еды было больше, потому что я в Москве расфасовала ее на более большие по времени отрезки. Но, как оказалось, занесли они это все не зря - очередной спуск был у нас только через десять дней. И то спустились снова только

парни. Девчонки, включая меня, попали вниз после той третьей заброски только в самом конце сборов - через две недели.

Дни после забросок и ледовые занятия

Стоянки Рацека. Вид с морены. Фото Д. Агафонцева.

Занятия на леднике. Фото А. Дикусара.

Как и положено, перед восхождениями мы должны были пройти ряд ледовых занятий. На первое ледовое занятие мы пошли без наших парней. У Вани было пищевое отравление, и окончательно на Рацека он поднялся только днем позже, а Дима с Сережей его встречали.

Первый поход на ледник был ужасно мучительным. Это снова был набор вы-

Она настоящая!!! Фото К. Сердюченко.

соты на 600 м. и огромные камни-валуны, которые я не ожидала увидеть. Мы шли долго и каким-то не самым оптимальным путем. Я ужасно измучилась. Ледник к тому же не произвел на меня поначалу особого впечатления. Он показался каким-то облезло-грязным. У меня было ощущение московского марта, когда все вокруг уже течет и снег покрывается дорожной грязью. Но лед, несмотря на ручьи, по нему журчавшие, был твердым, и кошки за него прекрасно цеплялись.

Спуск оказался не легче подъема. Но мысль о том, что мы окажемся дома (а Рацек уже успел стать для нас домом), грела душу.

Женя (в центре кадра) спит на вершине Учителя.
Фото А. Чиркова.

В дальнейшем мы сходили на ледовые занятия еще два раза уже с нашими парнями и Михаилом Константиновичем. И я даже полазила по крутой стеночке с ледовыми инструментами. Но в тот первый выход мне не хотелось ничего!

На следующий день наше дружественное второе отделение новичков пошло на гору. Нас Михаил Константинович не повел.

Занятия по организации спас. работ подручными средствами.

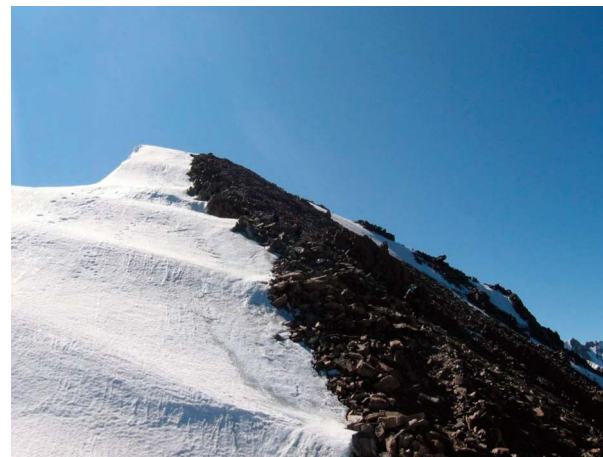
Ребята из того отделения перенесли восхождение хорошо, а единственная девочка в их отделении - Женя - заснула прямо на вершине. Акклиматизация была плохая для такого подъема. После спуска она еще какое-то время лежала в лежку, не имея сил вообще ничего делать.

В виду того, что похожее случилось уже не только с Женей, старший тренер решил, что на следующий

день все горы отменяются, и сделал всем выходной. Но не простой, а с отработкой вязания носилок и транспортировкой пострадавшего. Но мы это учили еще в Хибинах, да и делать это все можно было прямо у палаток. А потому что это был, конечно, выходной. Приятный и теплый солнечный день.

Первое восхождение

Зато на следующий день нас все-таки ждала наша первая вершина. Пик Учитель (1Б, 4520 м.), который мы в шутку называли Мучителем. Подъем в пять утра, выход в шесть. В двенадцать или около того были на вершине. Полностью пеший маршрут, не требующий никакого снаряжения, кроме стандартных везде и всюду касок. Влияние высоты стало ощущаться после 4000 м. На ледник мы поднимались на 3800 м. где-то, а выше из нас еще никто не был. Поэтому мучения поджидали нас вполне закономерно. Уже на предвершинном гребне Ксюша как-то оказалась впереди всех. Михаил Константинович подошел ко мне и, указывая на Ксюшу, в своем духе сказал: "Оль, Ксюша сказала мне, проходя мимо, что ты слабачка и что она вообще не считает тебя своей конкуренткой! Давай, догони ее быстро! Покажи, что ты можешь!" Как же я всегда была благодарна Михаилу Кон-

Инь-Янь или Путь Просветления на пик Учителя.
Фото А. Дикусара.

Наше отделение на вершине Учителя.
Фото К. Сердюченко.

стантиновичу за все его шутки и фразы! Даже если в текущий момент не могла ответить ничего, кроме бессвязного мычания. Идти от этого физически становилось не легче, но морально значительно веселее.

Ксюшу из нас так никто и не догнал. Она пришла первая.

На вершине было хорошо! Красиво! Только дул ветер. Но моя мембрана отлично от него защищала. Вершинную записку пришлось писать йодом, так как у нас не оказалось ручки. Хорошо хоть бумага у меня в рюкзаке завалась. Как раз та, на которой я хотела вести дневник. Вот и пригодилась.

При спуске у меня дико разболелась голова! Единственный раз за все сборы. У меня буквально лились слезы, и скрывали это только солнечные очки. Уже ближе к лагерю Юля довольно сильно подвернула

ногу. Бедняга! Если бы не эта вынужденная остановка, то мне пришлось бы несладко. Но пока мы стояли, голова прошла. Юльку Сережа и Михаил

Далеко внизу виднеются стоянки Рацека. Вид с вершины Учителя. Фото О.Соколовой.

Михаил Константинович пишет вершинную записку йодом. Фото Ю.Остапенко.

Константинович несли на себе до лагеря. Сделали из рюкзака кенгурятник на спину и несли. Молодцы, что тут скажешь! Да и Юлька молодец! Со своей больной ногой она в дальнейшем отходила все запланированные вершины.

Вечером после нашего восхождения на Учитель на леднике при подъеме на пик Семенова-Тянь-Шаньского один альпинист из зеленоградских сборов сломал ногу. Это означало, что вся мужская часть лагеря на Рацека выдвигается на спасработы. Собственно, и наши парни с Михаилом Константиновичем тоже всю ночь проторчали где-то на леднике и определенную часть пути тащили акью с пострадавшим. Им пришлось бы повторить это еще и следующим днем до самого базового лагеря в Арче, если бы на Рацека не прилетел вертолет. Самый настоящий вертолет!

Ох, как это было эффектно!!! Из долины с набирающим силу звуком лета машина с пропеллером! Все ближе и ближе! Громче и громче! Един-

Вертолет на морене. Фото А. Дикусара.

ственное место, где вертолет мог приземлиться, была морена - гряда из камней. На ней была небольшая площадка. Народ толпами повалил глазеть на это чудо. Пилоту не удалось посадить вертолет с первого раза, и он резко взлетел вверх. Надо было видеть, как люди, которые до этого подошли очень близко, буквально кубарем от страха побежали вниз! Ма-

ленькие все такие на фоне большой железной птицы! Со второго раза вертолет приземлился, мигом открыли дверь, снизу поднесли носилки с пострадавшим, из двери выскочили мужчины в красных футболках, за пару секунд затащили носилки внутрь, в салон прыгнули сопровождающие, от туда выкинули что-то ненужное типа пенок и веревок, и вертолет снова поднялся в воздух. Оторвался от земли, накренился и за считанные секунды скрылся в долине ручья, стекающего с ледника. Даже звук от него перестал быть слышен! Тишина...как будто ничего и не было! До этого момента долина казалась мне не такой уж большой по размеру. Но если туда полностью смог скрыться большой вертолет! Я была впечатлена! Я вообще только к середине сборов стала понимать масштабы окружающих нас природных объектов. Если камни, то валуны. Если расстояние, то по несколько часов.

К слову сказать, вертолет прилетал к нам на сборы еще два раза.

Последующий день мы потеряли в виду того, что парням нужен был законный отдых после бессонной трудовой ночи. Но да лично я была не против. После каждого восхождения мне требовались реально сутки, чтобы придти в себя.

Два последующих восхождения и дни между ними

Второй горой мы сходили пик Бокс (2А, 4240 м.). Это было сначала два часа по морене вверх на ледник, а потом еще часа четыре до вершины по сыпуче и скалам. Причем большую часть траверсом - т.е. горизонтально по хребту. Не знаю, как парни, но девчонки, как и я, вряд ли ожидали такой резкой смены формата восхождения по сравнению с Учителем. Но последнем не нужны были даже системы, мы шли не связанными и подъем в целом был довольно пологим. На Боксе же мало того, что пришлось связаться, так еще и скакать по довольно-таки крутым скалам сначала вверх и далее очень долго тем самым траверсом с перепадами высот, что очень нас замучило.

Подход под пик Бокс. Путь через плоскость Аксайского ледника. Фото А. Чиркова.

хоть как-то помочь своим рукам. В итоге Сережа предложил второй жумар с петлей для ноги из прусика, на что я с радостью согласилась. Это то, что мы отработывали в Москве на скалодроме. К радости своей с двумя жумарами у меня все получилось!

Шли мы связанными тройками и должны были страховать друг друга через выступы на скалах, перебрасывая болтающуюся между нами ве-

Была также хоть и маленькая, но вертикальная стеночка, которую пришлось прожумарить. Причем, делать это по идее нужно было бы на одном жумаре, отталкиваясь ногами от выступов рельефа. Но когда лично я пристегнулась к веревке и попробовала сделать первый шаг, я поняла, что для меня стена эта является вообще почти что абсолютно гладкой, и я не знаю, куда ставить ноги, чтобы

Очередь под «ключом» маршрута на пик Бокс.
Фото Д. Бурундукова.

Когда же мы достигли-таки вершины, лично у меня было лишь одно желание - свалиться плашмя на камни.

Вершина запомнилась обществом отделения Бычкова С.А., хорошей по-

На вершине пика Бокс. Фото А. Чиркова.

ревку за изгибы рельефа. Но сил так много уходило на борьбу с самим собой и с дурацкими камнями, что порой было не до веревки. Помню, что мы с Юлькой тупо несли ее в руках, либо бросали ее ползти за собой. Мы все шли и мучились, а вершина все не приближалась. Казалось, вон она - на горизонте. Но путь к ней оказывался бесконечной дорогой из груды валунов, на каждый из которых приходилось карабкаться, а потом спускаться.

годой и тем, что Михаил Константинович показал нам на небе конский хвост из облаков, известив нас, что это предзнаменование смены погоды и что часов через двенадцать мы сами все увидим.

Спуск был не по пути подъема, а потому вместо больших камней нас ждала зыбучая сыпуча, когда при каждом шаге под ногами все ехало вниз. Неизвестно, что

из двух зол неприятнее. Я бы предпочла камни. Плохая погода на спуске нас не застала. Но зато на следующий день...выпал снег!

Да, снег! Такой настоящий! Как в январе на новогодних каникулах! Он сыпал и сыпал, не переставая, почти сутки! Он засыпал палатки и устилал белым ковром все, что нас окружало. Температура при этом резко понизилась. Днем было около пяти градусов тепла, ночью был минус. Замерз ручей и водопад. Естественно, в такую погоду ни о каких восхождениях не могло быть и речи. А самое обидное было в том, что в эти дни нам на самом деле полагались законные выходные после восхождения, а тут такой сюрприз природы. Невеселым известием оказался тот факт, что этот сюрприз погоды застал отделение Клиндуха С.В. на снежно-ледовой четверке, где им пришлось совсем не сладко.

Стоянки Рацека, засыпанные снегом.
Фото О. Соколовой.

Парни наши еще до начала снегопада умудрились спуститься вниз. Ксюша и Юля не хотели, а я колебалась. В итоге меня уговорили тем, что будет ведь очень приятно провести пару дней под солнышком, никуда не дергаясь. Я согласилась с этим, но солнышко в итоге в эти дни нас не побаловало своим присутствием.

Снега не ожидал никто, кроме привычного ко всему

Михаила Константиновича. Он сидел в кроссовках на босую ногу в своей самосшитой теплой пуховке и, казалось, ни о чем не переживал. Мне же было страшно залезать в эту ночь в палатку, потому что я не знала, какого холода ожидать. Я хотела даже пойти ночевать в хижину. Я ходила, сомневалась, но в итоге решила, что я должна переночевать в палатке. Мы с

Ксюшей напросились к Михаилу Константиновичу.

Палатка была двухместная и три человека в ней испытывали уже некоторую тесноту. А Михаил Константинович, как мастер похулиганить, еще и прижал нас с Ксюшей потеснее. Но тогда в горах в ту холодную снежную ночь это воспринималось как забота о нас, птенцах, которые даже спальники состегнуть не умеют. К утру мне было реально жарко, и я стала даже высовывать руки из спальника. А Ксюша говорит, ей было холодно и тесно. Мне тоже было тесно, лишний раз не повернешься. Но за ощущение тепла тесноту я была готова потерпеть.

Утро после снегопада. Фото Ю. Остапенко.

Одной из излюбленных фраз Михаила Константиновича была: "Теперь вы понимаете, что значит мужик в доме?" Говорил он ее обычно, когда помогал нам делать что-то такое, с чем мы, девчонки, справиться сами не могли или не всегда хотели. Согреться мы тоже как оказалось одни не могли.

Утро после запомнилось довольно ранним почему-то подъемом, обилием яр-

кого переливающегося в лучах утреннего солнца снега, а также прослушивание музыки с плеера Михаила Константиновича. Был у него плеер с закачанными в него инструментальными мелодиями наподобие "Одинокого пастуха" (и включая его). Одно ухо наушников досталось мне. Было очень классно! Палатка, теплый спальник, приятная мелодия, выходной. Где-то в то же время Михаил Константинович сказал: "Ну что, эту ночь мы пережили!" И, правда, – пережили. Больше страха было.

В следующую все еще холодную ночь мы с Ксюшей спали вдвоем. Это

было стратегически неверное решение, потому что в итоге это была единственная ночь, в которую я озябла. Не замерзла, нет. Но четко помню, как просыпалась от того, что зябко было спине. И это, несмотря на то, что в спальник под спину была подложена пуховка. Ну что ж? Я сделала вывод: мы с Ксюшей слишком дохлые, чтобы нагреть своими телами трехместную палатку. Ксюша сказала, что всю ночь искала в палатке меня, чтобы хоть как-то ко мне прижаться. А я спала и не пыталась никого искать, поэтому мы друг друга не нашли.

После устаканивания погоды нас ждало наше третье восхождение - на пик Рацека (2Б, 3970 м.). Изначально планировалось, что третьим восхождением будет траверс Учитель-Байчечекей, про который, несмотря на его детсадовскую категоричность, рассказывали какие-то страсти-мордасти, дескать, целый день народ его ходит и даже порой на холодные ночевки зависает. К тому времени в горах мы провели уже полторы недели и мне, признаться честно, порой с непривычки бывало так тоскливо, что не хотелось больше ни на какие вершины, а только в лагере сидеть. Поэтому этого траверса я очень не желала. К радости моей, из-за большого количества выпавшего снега данный маршрут признали опасным и вместо этого отправили нас на пик Рацека.

Сереза проходит первым ключевой участок на пик Рацека.
Фото Ю. Остапенко.

Во время подхода к маршруту в небе появился вертолет. Второй за время сборов. Летел он к хижине Наука забрать девушку со сломанной ногой. Одну группу альпинистов накрыло на маршруте лавиной, которая образовалась из-за обильных снегопадов. Все остались живы, только вот девушка получила травму. Летел он красиво! В го-

Михаил Константинович ждет своих не-
путевых подопечных. Фото О. Соколовой.

подсказал, как сделать ступеньку из перильной веревки.

Вниз с Рацека был очень красивый дюльфер. Мой первый серьезный на естественном рельефе. Две веревки. В этот день у нас единственный раз на перекус было Баунти. Как завхоз, я решила, что Баунти надо брать больше.

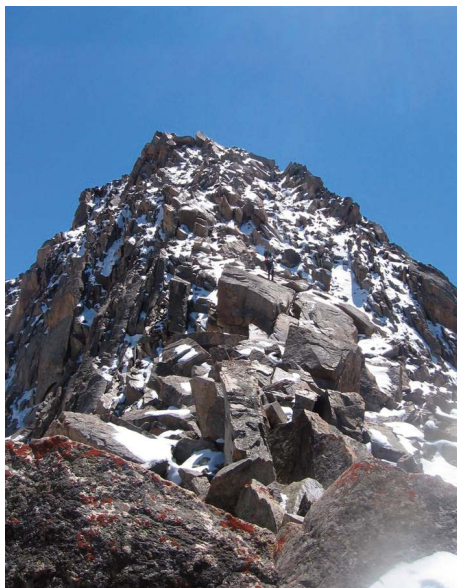
Коронские ночевки и последняя гора

Кстати, говорить стоит не "последняя гора", а "крайняя гора". Об этом символическом сленге я узнала ближе к концу сборов. Не могу сказать, что говорить так для меня привычно, но буду стараться, ежели доведется еще побывать в горах.

После Рацека я была уверена, что мне достаточно гор и что на маршрут

лубом небе, мимо хребтов! Не приземлился с первого раза, а потому сделал еще один крюк мимо нас.

Маршрут на Рацека оказался необычным и не сильно тяжелым - наверное, уже сказывалась акклиматизация. Интересный такой и даже в чем-то уже техничный подъем - много скал. На этом маршруте я на пятнадцать минут зависла на перилах. Просто потому, что они были проложены по вертикальной стенке. И если, например, Диме хватило сил пройти этот участок на одном жумаре, то мне нет. Жумар нагрузился, и я, в виду некоторых особенностей рельефа и слабых рук, больше не могла дотянуться до него так, чтобы разгрузить. Я застряла. Висела, пока ко мне поближе не подлез Михаил Константинович и не

Вершина уже близко!
Фото О. Соколовой.

я больше не выйду. Для разряда нам оставался еще один маршрут - пик Изыскатель (2А, 4400 м.). Чтобы сходить на него, нам нужно было свернуть свой лагерь на Рацека и перенести его на 3900 м. на Коронские ночевки. Мне было печально даже от одной мысли об этом. Как-то, заикнувшись про свое нежелание Михаилу Константиновичу, получила от него ответ, что он мне "как лучшая подруга рекомендует" сходить-таки туда и посмотреть, а мало ли понравится?

Предполагалось, что на Корону мы должны выдвинуться на следующий день после Рацека. Честное слово, если бы это произошло на следующий день, я бы не выдержала. Но из-за болезни Клиндуха С.В. - у него открылась язва - Михаилу Константиновичу на следующий день пришлось улететь на вертолете в Бишкек как сопровождающему. Это был третий вертолет за сборы. Он произвел уже меньшее впечатление, чем первый и даже чем второй. Хотя я помню, как с морены сдувало всех, кто садился в вертолет.

На Коронских в итоге было замечательно! Михаил Константинович оказался прав! Один из тех моментов в жизни, прелесть которых не понимаешь, пока ты их проживаешь, но которые потом вспоминаешь с приятными эмоциями.

Мы пошли туда в расширенном составе - к нам присоединились Тима и Таня. Итого нас было девять. Я запрыгала вверх по морене очень легко, даже сама не ожидала. Мы с Сережей были впереди. Мне даже было известно, потому что казалось, что у меня самый легкий рюкзак. Когда мы

Коронская хижина снаружи. Фото К. Маркевича.

Коронская хижина изнутри. Фото А. Чиркова.

дошли до плоскости ледника, повалил снег. В итоге к хижине мы дошли изрядно промокшие и засыпанные. Коронская хижина - этот вагончик с предбанником и одной комнатой, в которой стоит стол и имеется одно большое спальное место из досок человек на пять-шесть, а на стенках приклеены плакаты девочек разной степени откровенности, маршруты на башни Короны, в том числе на английском, послание от сторожа хижины относиться к ней бережно и разного рода рисунки - не далась легко ее строителям, а потому к ней надо относиться не иначе, как с теплыми эмоциями. Кто видел, тот поймет.

Как только мы ступили с ледника на твердые камни, снег поутих, и мы смогли спокойно разбить палатки.

К ужину совсем распогодилось, стоял прекрасный ясный в меру теплый, насколько это возможно на 3900 м. и в непосредственной близости от ледника, вечер. Прозрачный воздух и могучий хребет Свободной Кореи в зоне пятнадцатиминутной досягаемости. На ужин я сварила макароны с тушенкой, поели на славу! Мне

было и, правда, очень-очень хорошо.

На утро было намечено восхождение, поэтому все рано улеглись спать. Михаил Константинович поставил палатку, в которой спали он, я и Таня, на довольно больших камнях, и из-за того, что под моей спиной был огромный бугор, на спине я спать не могла. Спала на боку, свернувшись калачиком. При этом мне пришлось сползти почти до середины палатки, потому что только так я попадала всеми изгибами своего тела удачно между камней. Две ночи, что я спала на Коронских, удивлялась своей компактности. Подъем был в пять. Но я не боялась проспать, потому что Михаил Константинович всегда вставал вовремя.

Раннее утро было прекрасным! Еще не рассвело, в небе над Кореей висела полная луна. Было светло от ее света. Чисто и холодно!

Подъем по леднику дался мне очень легко. Шли траверсом без кошек, вытаптывая зигзаги на фирне. Тяжело стало только тогда, когда пришлось связаться и когда мы одели кошки. Во-первых, ноги стали тяжелее, во-вторых, уклон стал более крутым. Очень запомнилась первая ледовая ступенька сразу в начале маршрута. Всего около двадцати метров, но градусов

Начало маршрута на пик Изыскатель.
Фото Д. Бурундукова.

под 45 уклон. Мы с Ксюшей лезли этот участок последними с верхней страховкой на ледорубах. Было тяжело. Я задыхалась из-за довольно большой нагрузки. А это ведь всего лишь каких-то несчастных двадцать метров! У спасительного камня со станцией хотелось застрелиться.

В этот раз я оставила внизу у палаток перекус. А ведь я нарезала и подготовила все с вечера! Ну надо

же было такое учудить! Но у Михаила Константиновича на вершине в рюкзаке обнаружилась нычка в виде двух шоколадок. Объяснил он ее наличие весьма конструктивно: «Просто я на свете дольше живу и в горы больше ходил».

Маршрут был красивый! Снежно-ледовый. А ведь до этого у нас были сплошные камни. Вид с вершины открывался прекрасный! И Учитель было видно, и Бокс,

и Рацека, и Семенова-Тянь-Шаньского и Корону. Красота!

Но полюбоваться красотами нам удалось не долго - повалил снег. А мы повалили вниз. Дюльфер на довольно длинном участке решили сделать не на спусковом, а на скользком. Было страшновато и непривычно. Я так и не поняла, как удобнее спускаться - спиной к склону или лицом. Один раз полетала даже – разогналась, поскользнулась и оттянула веревку на всю ее длину между ледобурами. Метра на три вниз съехала.

Уже на леднике, когда мы сняли с себя все железо и топали ногами, хлопьями валил снег. Первый раз я ви-

На пути к вершине. Фото О. Соколовой.

Спуск. Фото Т. Сахарова.

Спуск по леднику под раскаты грома и снегопад.
Фото Т. Сахарова.

дела и слышала, что вместе со снегопадом может быть гроза. Сверкала молния, громыхал гром и шел снег. Это на 4000 м. А на 2200 м. в Арче, наверняка, был просто ливень.

После возвращения все сразу забрались в хижину, в тепло. Именно в такие моменты ты и понимаешь ее ценность.

На утро следующего дня наши парни собирались идти на ЗА, первую башню Короны. Я еще на Рацека сказала, что туда не пойду, поэтому со мной вопросов не было. А вот девчонки хотели, но старший тренер принял решение девушек на горы сверх разряда не пускать.

- «Михаил Константинович, а Гоша Носеевич сказал, что за то, что Вы не взяли нас на гору, мы должны объявить вам бойкот и оставить без обеда!» -

были шуточные слова Ксюши.

- «Ксюша, так почему же Гоша не возьмет вас с собой на троечку?» - был серьезный ответ Михаила Константиновича.

Кухня на Коронских. Фото Д. Бурундукова.

Я обещала встать и приготовить всем с утра завтрак, поэтому встала минут через пятнадцать после того, как из палатки без десяти пять утра вылез Михаил Константинович. Он сидел один на камнях и грел воду. Почему-то эта картина очень врезалась мне в память. Я порезала колбасы, сыра, достала пакетики с кашей, хлеб. Сходила по своим делам. Вернулась. А Михаил Константинович все

еще сидел один.

- "У меня", говорю, "такое ощущение, что Вы на гору один собираетесь".

- "Угу", отозвался он.

Было еще темно, в небе светила полная луна. Тихие звездные пред-рассветные часы. Только тишина и обалденная прозрачность воздуха компенсировали столь ранний подъем. Обе ночи, которые мы провели на Коронских, были ясными и звездными. И это при том, что вечерами и днем шел снег.

Я пожелала Михаилу Константиновичу удачи и пошла назад в палатку спать.

Мы с девчонками проснулись, наверное, в районе десяти. Дольше спать в палатке невозможно. Солнце начинает припекать, и ты начинаешь задыхаться. Да и по соседству с палаткой Михаила Константиновича, где спала я, очень громко разговаривали МЭИшники. Пришлось отдирать себя от спальника, хотя спать хотелось очень.

Было классно осознавать, что идти сегодня никуда не надо! Да и парней

нет! Мы предоставлены сами себе! Замечательно!

Большую часть времени, пока не нужно было готовить обед, я лежала на сквозняке поперек палатки с высунутыми в тамбур ногами. В прорези двери была видна Свободная Корея.

В районе часа дня на леднике появились маленькие черные точки. Наши спускались. Что, уже? Мы не ожидали, что они вернутся так быстро! Через минут сорок все были в лагере.

Когда ты сидишь внизу, а сверху кто-то приходит, ты понимаешь, какой измученный у них у всех вид. Сразу в красках представляешь себя после восхождения.

Возвращение героев с 1-ой Башни Короны.
Фото Ю. Остапенко.

В этот же день нам надо было спускаться вниз на Рацека, и именно в этот спуск я хорошо прочувствовала дыхание ледника. Лишь только мы ступились со льда на морену, резко стало значительно теплее! В общем-то, все вполне закономерно. Просто раньше мне не приходилось так ярко испытывать это на себе. Внизу на Рацека нам оставалось провести всего лишь одну ночь. А дальше был финальный спуск в Ала-Арчу.

Спуск в Ала-Арчу

Крайний день на Рацека выдался солнечным и теплым. Ночью я плохо спала. Даже вылезла один раз из палатки, чтобы проветриться. А заодно единственный раз за все сборы воспользовалась своим "служебным положением" завхоза и втихаря поела колбасы с хлебом, закусив на десерт

шоколадкой. Утром чувствовала себя довольно разбитой, но нужно было собираться.

В крайний день на Рацека мы ели арбуз, который притащил из Бишкека Михаил Константинович. Это был как гостинец из далеких стран!

В виду не совсем хорошего самочувствия и некоторой хозяйственной возни в балаганчике, я собрала свои вещи позже всех, поэтому и выдвинулась вниз почти самая последняя. Ребята ушли где-то на час раньше меня и Димы, у которого тоже вещи еще не были готовы. Когда мы с Димой выдвинулись в путь, на Рацека из наших оставались еще Михаил Константинович и Таня, что в последствие оказалось для меня очень удачным.

Первое время пути по горизонтали вдоль ручья я была занята текущими вопросами – приноровиться к тяжести рюкзака, определить оптимальную скорость движения. Но как только начался спуск, и я поняла, что я действительно ухожу, я оглянулась на удаляющиеся заснеженные пики. Они вызвали у меня улыбку.

Идти было тяжеловато - на плечи сильно давил рюкзак, плюс ноги на тропе порой пробуксовывали. На сложном участке пути, том, что представлял из себя довольно крутой скальный уступ, я даже сняла с плеч рюкзак и сначала слезла сама. После этого участка можно было считать, что самая крутая часть пути пройдена. Первый привал решили сделать с Димой на водопаде. Но он в итоге получился не таким, каким планировался. Пройдя еще минут десять, я поскользнулась. Упала на спину на рюкзак, при этом одна нога подвернулась под пятую точку и...я почувствовала резкую боль.

- Оль, ты жива?

- Да, жива. Только вот нога. Такая же фигня, как у Юльки. Ногу подвернула.

Я села, обхватила колени руками. В глазах роились звездочки. Одновременно хотелось смеяться над несуразностью всего произошедшего и плакать от обиды. В одном отделении два одинаковых случая. Насмешка какая-то да и только! Пыталась шевелить ногой и понимала, что она болит

сильно. «Вот, блин!» - это единственное, о чем я думала в тот момент.

Минут через пятнадцать после происшествия, когда я немного пришла в себя, я была уже на ногах. Оказалось, что идти я с горем пополам могу и при определенных неудобствах до лагеря в Арче доползу. Ну и, слава Богу, - нести меня никому не придется. Но вот вещи? По правде говоря, я совсем не представляла, что можно сделать с рюкзаком, ведь его вес большая нога на неровной поверхности не выдержала бы. Почему-то у меня было ощущение, что вот теперь во всем свете только мы вдвоем с Димой. Мы решили оставить рюкзак на тропе, чтобы забрать его чуть позже. Лишь только спустились буквально десяток метров - еще даже рюкзак было видно - как на горизонте показались Михаил Константинович и Таня. У меня сразу отлегло от души. Ощущение нашей с Димой замкнутости улетучилось. Странно, что оно вообще возникло, если считать, что сверху еще не спустилась куча народа, а внизу в двух часах ходьбы была большая часть сборов. Михаил Константинович подошел, быстро оценил ситуацию, и мы пошли дальше вниз. Где-то два пролета минут по пять-семь мой рюкзак нес Дима. Он спускал свой, оставлял его на тропе, а потом поднимался назад за моим. На последнем участке пути перед водопадом Михаил Константинович пошел за моим рюкзаком сам. Сказал, что когда я дойду до водопада, то перевяжем мне ногу. У народа, который спускался одновременно с нами, нашелся эластичный бинт, а у Тани - утягивающий ортопедический носочек.

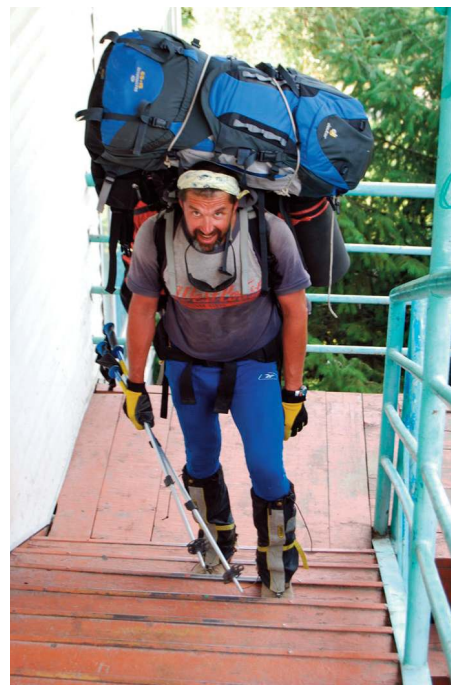
На водопаде я села посидеть, разулась. Нога уже стала опухать, и мне нужно было ее забинтовать. "Ольга Игоревна, вы так изящно одеваете этот носок!", комментировал Михаил Константинович, пока я сражалась со своей конечностью и натягивала на уже опухшую ногу ортопедическое изделие, которое дала мне Таня. Было больно, но Михаил Константинович со своими словами был просто как фея.

А дальше все завертелось по волевоу, но неожиданному для меня решению Михаила Константиновича. Он взял мой большой рюкзак и стал привязывать к своему. Он решил понести мой рюкзак на себе одновременно со своим! Я была впечатлена! Я никак не ожидала, что это будет

так!

Пока Михаил Константинович привязывал рюкзак, к водопаду подтянулся еще народ. Мою палатку отвязали и отдали Вове из дружественного отделения новичков, мой маленький рюкзак решил понести вообще доселе знакомый мне лишь по лицу человек - Илья. Я предложила донести его сама - маленький рюкзак я бы потянула - но мне не дали.

"Ну что, думаю, часа за два дойдете! Сейчас четыре, значит в шесть" - Михаил Константинович ушел. А мы с Димой пошли вниз. По технике безопасности Дима оставить меня одну не мог, как бы медленно я ни шла. Не помню, на кого я наткнулась первым, когда пришла в Арчу. Но кто-то сразу стал спрашивать, как я себя чувствую. Когда Михаил Константинович пришел в лагерь с двумя рюкзаками, это вызвало необычайное оживление. А потому про меня уже многие знали.

Михаил Константинович с рюкзаками.
Фото Е. Гусевой.

Вечером была, если можно так выразиться, афтапати. Была водка и коньяк, арбузы, дыни, конфеты, колбаса и все то, что притаскивал каждый, кто приходил. Были песни под гитару, было прохладно и очень спокойно.

Но усталости дня брали свое - глаза слипались. И я пошла спать. Спала плохо - из-за духоты в комнате и из-за того, что при каждом движении сильно ныла нога. В общем, ночь была не из приятных.

Но зато на утро нас ждала поездка на Иссык-Куль.

Иссык-Куль и дорога домой

Поездка на Иссык-Куль была заслуженным отдыхом. Дорога была до-

вольно живописная. Больше всего мне запомнилась бурная горная речка, шумевшая вслед нашему автобусу довольно долгое время слева по борту.

Время на Иссык-Куле все проводили по-одинаковому: ели, пили, купались и ничего не делали. К сожалению, из-за ноги я не смогла нормально поплавать. А вода была прохладная и спокойная как в блюдце – самое то! У меня также не получилось сходить на базар, но мне принесли гостинцев прямо с доставкой на дом. Стандартным набором еды в Киргизии являлись самса и арбузы. Не могу сказать, что мне это было не по душе! Потому что после спуска мне есть хотелось почти не переставая.

Вечером нас всех ждал торжественный ужин в честь окончания сборов. Мы ели плов, произносили тосты, пели и слушали песни под гитару. Душная ночь в палатке оказалась очень контрастной по сравнению с прохладными ночами на Рацека. Наутро, посмотрев на ребят, которые спали на улице под открытым небом, я поняла, что они придумали очень даже неплохой вариант.

На следующий день мы – несколько человек нашего и соседних отде-

Иссык-Куль собственной персоной.
Фото Ю. Остапенко.

лений – двинулись в путь. Большая часть сборов еще оставалась на Иссык-Куле, но наш рейс был уже рано утром следующего дня, а потому задерживаться мы не могли.

До Бишкека ехали на рядовой маршрутке, в которой своими сумками забаррикадировали всю заднюю часть салона. А из Бишкека в Алматы для нас была подана

заказная маршрутка. И, надо сказать, путешествие в ней было просто царским! Нас было семь человек на восемнадцати местную маршрутку. Мы развалились там настолько, насколько нам позволили расстояния между сидениями. Всю дорогу слушали «Ретро FM» по радио, за окнами мель-

кали огни, в просторную кабину врвался свежий ветер. Это была дорога домой, но еще не до конца осознанная. Уже в Москве где-то, по крайней мере, еще неделю после прилета я ощущала себя как будто в той маршрутке – уже не на Тянь-Шане, но еще и не дома. Эта маршрутка была как будто коридором для телепартации, только не мгновенным, к сожалению.

Летели мы разными рейсами. Я прямым в Москву, девчонки с Сережей пересадочным через Киев. В итоге я, конечно, дома была значительно раньше, чему была несказанно рада. Меня, как получившую «боевое ранение» встретили в аэропорту на машине. Благо, было воскресенье. А дальше была еда, душ, просмотр фотографий, поездка к травматологу и, увы, работа, на которую я в прямом смысле поковыляла уже третьеразрядницей.

The End or To Be Continued?

Оказавшись волею случая на прощальном ужине той, кому выпала честь произнести тост от новоиспеченных третьеразрядников, я сказала, что пока не знаю, продолжу ли свои занятия альпинизмом, потому что, как мне казалось, довольно много всего увиденного надо было просто переварить. И я не была уверена, буду ли скучать по горам, и буду ли вообще думать о них, но что не просто вздохну с облегчением после возвращения. Сейчас спустя несколько месяцев я понимаю, что довольно долго у меня был самый что ни на есть «отходняк», суть которого довольно сложно описать. Но даже тогда я понимала, что продолжаю думать о горах. Бывало, я даже убивала сутки на работе, чтобы прокомментировать все выложенные в сеть фотографии. Я знаю, что дальнейшие выезды в горы потребуют дальнейшей работы над собой. А это для меня не так легко. Но даже если я не попаду в горы ближайшие несколько сезонов, этот выезд я все равно не забуду. Как первый, как открывший для меня книгу под названием «Горы». Книгу, в которой я прочитала лишь предисловие.

В конце хотела бы поблагодарить свое отделение (Юлю Остапенко, Ксюшу Сердюченко, Сережу Попова, Диму Бурундукова, Ваню Феофанова), а также нашего бессменного отца-командира – Михаила Константиновича Каныгина, за время, которое мы провели вместе, за терпение и за помощь. Увидимся!

КАК АЛЬПИНИСТЫ ВСТРЕЧАЮТ НОВЫЙ ГОД

Новый Год идет-грядет... Редакция Вестника АК МГУ провела опрос членов АК МГУ с целью выяснить, с кем и как они планируют встретить Новый Год и провести новогодние каникулы. Итак:

Ботавин Дмитрий: «Я пока этого не знаю!»

Бесчастнова Юлия: «Поеду в Хибины кататься на горных лыжах с друзьями. С ними же буду и Новый Год встречать».

Каныгин Михаил: «Встречать Новый Год буду с семьей, дома.

1-го января вылетаю в Мин.Воды, а оттуда через Нальчик в Безенги – совершать в составе команды альпинистов МВТУ героический подвиг: установка промежуточного штурмового лагеря (примерно на 3400 – как на Рацека) и покорение по маршруту 1Б к.тр. пика Брно (4100м). Ну и просто “жюль”...»

Феофанов Иван: «Встречать Новый Год буду культурно, с подругой. Сначала в Санкт-Петербурге, затем в Австрии».

Михайлова Мария: «Отмечать буду с новосибирцами в Ала-Арче. На каникулы еду собственно в Ала-Арчу. =) В горы ходить».

Куликова Ольга: «Новый Год буду встречать на Кипре со своими учениками и коллегами преподавателями, как – пока не знаю. Сразу после Кипра полечу в Арчу к нашим – до 15 января».

Дементьев Дмитрий: «С Женей Курочкиной и Арсением будем героически штурмовать Казбек».

Маслова Настя: «Новый Год буду традиционно встречать в кругу семьи. :) А в каникулы поеду кататься на горных лыжах и прыгать по большим настоящим сугробам на МонБлан...»

Гусева Екатерина: «Хочу встретить Новый Год с друзьями, пока не знаю точно с кем. Если альпклуб соберет общую новогоднюю «тусню», то предпочту с ребятами из клуба.

В каникулы планирую навещать всевозможных родственников. Еще в планах небольшой лыжный поход, но он пока под очень большим вопросом».

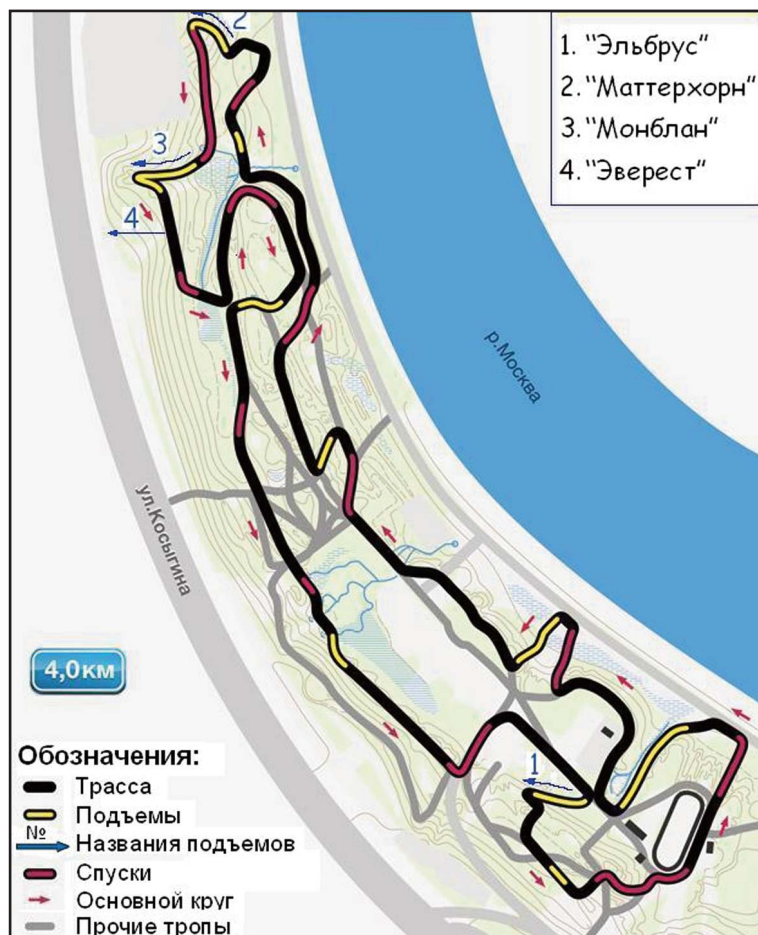
Маркевич Константин: «Новый год буду встречать в Арче, надеюсь не на маршруте. :) С Сашей Быковым и еще несколькими ребятами из Зеленоградского АК».

Менжевицкая Яна: «Новый Год собираюсь встретить аж... в Африке. Казалось бы, Африка вроде бы страна отнюдь не для встречи Нового Года, когда хочется зимнего холодца, снега, лыж, санок, лепки снеговиков... Однако у меня все это будет – и холод, и снег. И даже, может, снеговичка удастся слепить. Да, да, именно в Африке! Ведь НГ мы с друзьями, как истинные альпинисты, решили встретить, не валяясь на каком-нибудь пляже (и как вы могли такое подумать? :)), а в снегах Килиманджаро. И опять же, как истинные альпинисты, очень надеюсь, что будет Вершина! Ну а после планируем посетить национальные парки Африки и восстановиться после восхождения на острове Занзибар. Надеюсь, что все удастся. Также надеюсь, что у вас, друзья, НГ пройдет не менее интересно и захватывающе! С Новым Годом! :) »

Альпинистов опрашивала Юлия Остапенко.

Как же нам, альпинистам, без чувства юмора?

“Наши тренировки”

Интересные и полезные ссылки

В данном разделе представлены ссылки на веб-ресурсы, показавшиеся редакции интересными и полезными.

- Сайт старой гвардии АК МГУ должны знать все члены АК МГУ
<http://alp.pn.sinp.msu.ru>
- Интересный материал о выживании в лавине, который вызвал много споров. Рекомендовано к прочтению!
<http://www.risk.ru/users/kwadrat/18456>
- Материал про оптимизацию веса снаряжения. Пригодится всем!
 - 1) <http://www.risk.ru/users/leb/19071/>
 - 2) <http://www.risk.ru/users/leb/18923/>
 - 3) <http://www.risk.ru/users/leb/18988/>
- Если вы спросите любого альпиниста на Южных склонах Эвереста, какая самая страшная часть восхождения на эту гору, большинство однозначно ответят, что это ледопад Кхумбу. Что может быть страшнее этого ледопада? Посмотрите видео на сайте <http://atrek.ru/review/5947> и сами ответьте на этот вопрос.
- Группа французских и швейцарских альпинистов весной 2011 г. совершила восхождение на Канченджангу. 15-минутное видео расскажет многое об этой горе и взошедших на нее альпинистах:
<http://atrek.ru/review/5931>
- Ну и напоследок – сайты-библиотеки по Западному Кавказу, Приэльбрусью и по горам Северной Осетии, где вы найдете перечень классифицированных вершин, описания маршрутов, характеристики перевалов, а также топографические карты и фотоматериалы. Успехов и погоды на маршрутах!
<http://wkavkaz.narod.ru>
<http://prielbrusie.narod.ru>
<http://www.pilgrim-andy.narod.ru>

Над номером работали:

Редакторы и корреспонденты:

Юлия Остапенко

Яна
Менжевицкая

Анастасия
Ямщикова

Ольга Соколова

Дизайн и верстка:

Мария Свитнева

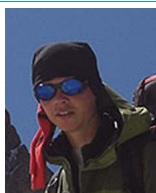
Авторы:

Ольга Соколова

Оксана
Агафонова

Максим Шульгин

Про камни, из которых состоят горы, и про горы из камней...

Вопрос о том, зачем же люди едут в горы, до сих пор остается открытым. Более того, иногда можно услышать буквально следующее: «Что может быть интересного там, где кругом одни камни?»

А вот и возможный ответ на этот вопрос:

*Камни учили меня молчанию.
Камни учили меня терпению.
Камни учили меня спокойствию.
Камни учили меня созерцанию.
Камни учили меня бесконечности мироздания.*

Настоятель дзенского монастыря

В материалах использованы фотографии Я. Жегусова, М. Шульгина, Ф. Носеевича, Д. Бурундукова, К. Сердюченко, Д. Агафонцева, А. Чиркова, А. Дикусара, Ю. Остапенко, О. Соколовой, К. Маркевича, Т. Сахарова, Е. Гусевой.

Контактный e-mail: gazeta@alpmsu.ru